

ОНА БУДЕТ СЛУЖИТЬ ТЕБЕ ДО СМЕРТИ.
СКОРЕЕ ВСЕГО — ДО ТВОЕЙ.

18+

A digital illustration of a woman with short, dark, wavy hair and striking green eyes. She is wearing a dark, high-collared, long-sleeved dress. She is holding a human skull in her right hand, looking at it with a somber expression. The background is a dark, stone archway with a bright red glow behind her. The overall mood is dark and mysterious.

ТЁМНАЯ СУТЬ

АНАСТАСИЯ КОМАНДОР

Анастасия Командор

Тёмная суть

«Rugram»

2026

Командор А.

Тёмная суть / А. Командор — «Rugram», 2026

ISBN 978-5-386-15632-9

Попытка подчинить темную суть и создать из нее оружие обернулась масштабной катастрофой. Человечество зависло на грани гибели после алхимического эксперимента, вышедшего из-под контроля. Новые кровожадные твари – кары и гайсты – бродят по земле. Одних удалось связать контрактами и заточить в гробницы, а от других можно лишь прятаться за высокими стенами. Таков теперь мир, пропитанный кровью и страхом смерти. Однако все равно найдутся те, кому крови и смерти мало... Ее зовут Жатва. И Жатва – самая могущественная кара. О ее кровавой силе ходят легенды, она опасна и своевольна, но ее новый хозяин думает, что сумеет подчинить ее. Чем можно пожертвовать ради победы и где грань между человеком и монстром? Скоро им обоим предстоит это выяснить.

ISBN 978-5-386-15632-9

© Командор А., 2026

© Rugram, 2026

Содержание

1	6
2	10
3	16
4	23
5	30
6	35
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Анастасия Командор

Тёмная суть

ISBN 978-5-386-15632-9

Генеральный директор *С. М. Макаренков*

Продюсеры проекта *Диана Смирнова, Яна Дудунова*

Шеф-редактор *Анна Курилина*

Руководитель производственного отдела аудиокниг *Марина Михайлова*

Арт-директор *Елена Негуляева*

Ведущий редактор *Надежда Волкова*

Младший редактор *Ангелина Курилина*

Литературный редактор *Наталья Маленкова*

Художественное оформление *Дарья Александрова*

Корректоры *Ирина Лукашкина, Екатерина Ветлужских*

* * *

1

Кроваво-красный свет лился сверху. Под ним багрянцем расцветали обточенные временем и чьими-то зубами кости. В расколотых черепах и раскрошенных грудных клетках таилась тьма. Она просачивалась сквозь щербинки в зубах и провалы глазниц, проскальзывала через трещины, окружала пятно красного света, такое крохотное посреди бесконечной тьмы, билась о его границы, но никогда не могла подобраться достаточно близко.

Кара лежала на вершине горы из черепов и глядела вверх, на ровное красное свечение, столь похожее на кровь. Язык ее прошелся по сухим губам, давно истосковавшимся по вкусу чужих жизней. Жажда снова напомнила о себе.

Сотня – ровно столько трупов потребовалось, чтобы запечатать гробницу. Сотня душ в обмен на жизни тысяч. Сотня сердец, чтобы унять голод одной-единственной кары – твари, которой не должно было существовать.

Скучно.

Кара перевернулась на бок, схватила первый попавшийся череп и пристально вгляделась в пустые глазницы. Ощерилась, подражая его застывшему навечно оскалу.

За бесконечно долгие годы она десятки раз пересчитывала каждую кость. Снова и снова. Будто это могло хоть ненадолго избавить от смертельной скуки.

– Жаль, – хрипло протянула кара, обращаясь к черепу. – Жаль, что я давным-давно съела тебя. Сколько мы здесь, а? Тоже не помнишь. Ты бы испортился, глупыш, а тухлятину я не люблю. Хотя сейчас... – Она тяжело вздохнула и с грустной улыбкой покачала головой: – Нет, спроси еще лет через десять.

Нахмурившись, кара перевернула череп и заглянула внутрь, чтобы проверить, осталось ли там что-нибудь. Но внутри было пусто. Как и много раз до этого.

Тогда она снова откинулась на спину, прижала череп к груди и уставилась вверх, на никогда не меняющийся багряный свет.

Вот бы можно было умереть от скуки.

Кара закрыла глаза и уже приготовилась погрузиться в сон, как вдруг что-то изменилось. Она резко поднялась, уложив череп на колени. По ее телу побежали мурашки.

Во тьме появилась полоска света. Настоящего, похожего на солнечный. Потом вдруг полоса резко расширилась, образовав проход.

Выход. Выход из гробницы!

От непривычной яркости защипало глаза, и кара зажмурилась, прикрыла их ладонью, а через миг приоткрыла ровно настолько, чтобы увидеть в проходе черный силуэт, из-за которого в гробнице снова стало темнее.

Кара чуть подалась вперед, к свету, что впервые за десятки лет посетил это место. Она нетерпеливо заерзала: хотелось немедленно кинуться туда, к выходу. И неважно, что там, главное – подальше отсюда. Но она не могла.

– Кара по имени Жатва, – раздался низкий уверенный голос, – я хочу заключить контракт.

Человек сделал несколько шагов и остановился на краю багряного пятна. С трудом оторвав взгляд от яркого света, кара посмотрела на представшего перед ней мужчину: суровое лицо в обрамлении доходящих до плеч темных волос, холодные голубые глаза, губы пересекает тонкий шрам, еще один тянется по скуле от самого глаза.

Рукава его свободной рубахи были закатаны, открывая на запястьях неглубокие порезы, из которых сочилась кровь. Кара жадно облизнулась.

– Ты хорошо подумал, прежде чем притащиться сюда, мальчик? – с издевкой протянула она.

Лицо мужчины не выражало ни единой эмоции.

– Наслышан про твой скверный характер, тварь.

– Ох, как невежливо, человек. – Кара оскалилась в усмешке, обнажая заостренные зубы. – Кто ты такой? Очередной королек, желающий захватить соседнюю страну?

– Веллан Родеган, командир четвертого специального отряда армии Хавенгура, – откликнулся мужчина, не сводя с нее жесткого взгляда.

– А, сынок богатенького аристократа, которому звание досталось благодаря папеньке? Что, денег недостаточно, чтобы получить все, чего ты желаешь? Или решил покрасоваться перед друзьями?

– Я не болтать сюда пришел. Мне нужна твоя сила.

– Зачем же?

– Какая разница?

Кара хмыкнула, стиснула ладонями все еще лежащий у нее на коленях череп и с деланным безразличием отвернулась.

– Тогда проваливай.

Мужчина раздраженно дернул бровью. Потом усмехнулся и развернул запястья так, чтобы кара хорошо их видела.

– Брось. Я не слепой. Ты глаз не можешь отвести от моей крови. Подойди и возьми, ну же!

Каков нахал! Человек оказался крепче всех тех, кто когда-либо заикался о контракте с Жатвой. Она не могла бы сказать, раздражает ее это или забавляет.

– Думаешь, мне не терпится променять одну тюрьму на другую? Что ты можешь предложить мне в обмен на силу?

– Моя страна вступает в войну. Я хочу защитить свои земли и своих людей. И ради этого я готов на все. Даже отдать душу такой твари, как ты. Служи мне – и сможешь вдоволь повеселиться на поле боя.

– Служить тебе? – усмехнулась кара. – Роба не треснет? Я Великая Кровавая Жатва! А ты, жалкий, слабый человек, даже ногтя моего не стоишь.

– О, разумеется, – протянул он, и в его голосе кара распознала плохо прикрытое отвращение. – О тебе ходит столько легенд. Говорят, ты безумна и неуправляема, но также и невероятно могущественна. Поэтому я и пришел к тебе. Заключи со мной контракт – и я дам тебе насытиться человеческими душами.

Он слегка прищурился и добавил:

– В конце концов, это твой единственный шанс хоть ненадолго покинуть гробницу.

Кара и сама это знала. Давненько никто не появлялся здесь. Наверное, слишком живучи были легенды о судьбах ее прошлых хозяев. Впрочем, кара подозревала, что стоящего перед ней человека не получится провести так же просто, как остальных.

Но выбора все равно нет. Кто знает, сколько еще времени пройдет прежде, чем заявится очередной самоуверенный идиот, ослепленный нечеловеческой силой Великой Кровавой Жатвы?

– Долго собираешься думать, тварь? Мое терпение не безгранично.

– Столько, сколько захочу, мальчик. Тебе этот контракт нужен не меньше, чем мне.

– Жаль. Жертва, приготовленная специально для тебя, изнывает от тоски.

Кара растянула губы в широкой улыбке, бросила череп за плечо – тот покатился с глухим стуком вниз, утянув за собой еще несколько.

– Что же ты сразу про жертву не сказал?

В один стремительный прыжок Жатва преодолела расстояние, отделяющее ее от человека, и приблизилась к самому его лицу на границе красного света. Мужчина даже не вздрогнул, лишь усмехнулся уголком рта и поднял повыше запястье. На ладони и длинных пальцах влажно блестели кровавые дорожки.

Кара провела языком по острым зубам. Она слишком долго не видела крови, не чувствовала ее приятное тепло и солоноватый привкус на губах. И теперь, оказавшись так близко, едва могла сдерживать себя.

– Итак, кара Жатва, станешь ли ты служить мне до скончания дней моих? В награду за службу я отдам тебе свою кровь, свое сердце, тело и душу. Обещаю заботиться о тебе и кормить. Принимаешь ли ты этот контракт?

Голод сделался невыносимым и пересилил отчаянное нежелание Жатвы подчиниться чужим приказам, затмил собой ее гордость и нехорошее предчувствие. Она понимала, что придется *действительно* служить этому человеку и что ее сила и тело перестанут ей принадлежать.

Кара ненавидела себя за это, но не могла отказать.

– Да, я принимаю, – хрипло прошептала она полоске, сочащейся алым, и без промедления схватила протянутую руку. Вцепившись когтями в мягкую плоть, Жатва поднесла запястье к губам.

По всему ее телу прокатилась волна опьяняющего наслаждения, когда первые капли крови оказались на языке. Вот он – вкус чужой жизни!

Жатва впилась в запястье зубами. Кровь тут же наполнила ее рот и потекла по подбородку. Человек дернулся – то ли от неожиданности, то ли от боли, – но Жатва не собиралась отпускать его так просто. Она сделала еще несколько жадных глотков, потом сомкнула зубы и вырвала кусочек мяса и кожи.

Мужчина с силой выдернул руку, пальцами сжал запястье чуть повыше раны и с неприкрытым отвращением уставился на кару.

– Бешеная сука.

– Ох, не ворчи, неженка. – Жатва провела по подбородку тыльной стороной ладони, но только растерла кровь. – В конце концов, это первый и последний раз, когда я могу навредить тебе по собственной прихоти. Грешно упускать такую возможность.

Он смерил ее долгим хмурым взглядом, в котором по-прежнему не было страха. Лишь презрение. Все они поначалу смотрят так, высокомерно задрав носы. Думают, что лучше ее, кары. Думают, что особенные, поскольку сумели связать столь могущественное существо контрактом и заставить служить себе.

Но даже не подозревают, что ждет их.

Жатва усмехнулась. Перепачканный свежей кровью шрам на ее левой щеке, тянувшийся от уголка рта, дернулся.

– Ты еще пожалеешь, что связался со мной, Веллан Родеган. Обещаю, – прошептала она ласково.

– Не думаю, – холодно откликнулся он. – Скорее ты сама пожалеешь. Особенно если попытаешься вытворить что-нибудь, что мне не понравится. Так что давай не усложнять друг другу жизнь, тварь. Я не стану слишком многого от тебя требовать. Просто будь хорошей девочкой – и получишь глоток свободы.

Развернувшись, новый хозяин двинулся к выходу. Жатва немедленно последовала за ним, пропустив его глупую угрозу мимо ушей. Ее занимало лишь предвкушение. Как же долго она мечтала, что покинет гробницу и выберется из заточения хотя бы на короткий срок человеческой жизни! Ведь ничего другого не остается таким, как она, – тварям, которых когда-то притащили в этот мир. Им показали свободу и вседозволенность, а потом отняли все и заперли в клетке, потому что они оказались слишком сильны. И теперь им позволено лишь менять клетку на поводок и тешить себя мечтами о возвращении прежних времен. Времен, когда кары были богами.

Свет на той стороне был таким ярким, что слепил глаза и не давал ничего рассмотреть. Жатва зажмурилась, когда переступала через невидимую границу между мирами, обозначен-

ную открытой дверью, но уже в следующий миг оказалась в темной комнате из серых каменных блоков.

Дверь захлопнулась, погасив остатки багрового свечения. Гробница не принадлежала миру людей – вообще никакому миру не принадлежала. Созданную специально для кары темницу можно было отпереть при помощи особого ключа и крови. Дверь же могла быть абсолютно любой.

Хозяин провернул измазанный кровью ключ в замочной скважине и спрятал его за пазуху. Кивком указал в угол:

– Твоя жертва.

В темном углу неподвижно лежал крепкий парень с мешком на голове, в замаранной потом и грязью одежде. На открытых участках его тела красовались следы побоев, а руки были связаны за спиной.

– Спасибо, что не старик, – недовольно проворчала Жатва.

– А ты хотела девственницу? Тебе ведь все равно, кого жрать.

– Это не значит, что можно подсовывать мне всякий мусор.

Кара склонилась над жертвой и сдернула мешок. Давно небритый, изрядно потрепанный парень с непониманием уставился на нее одним глазом. Другой, подбитый, распух и не открывался. Жатва улыбнулась – и парень, вздрогнув, заерзал в попытке отодвинуться.

– Стоять, – холодно скомандовал хозяин, когда кара уже протянула руку к жертве. Жатва замерла и недовольно зашипела. – Ты никого не будешь трогать без моего разрешения. Ни человека, ни зверя. Ни здесь, ни за пределами крепости. Я запрещаю тебе запугивать, калечить и жрать кого вздумается. Ясно?

– Ага, – пробормотала Жатва. Мысли ее занимала только жилка, бьющаяся на толстой шее.

Наслаждаясь новоприобретенной властью, хозяин еще немного помедлил и бросил:

– Давай, заканчивай быстрее, потом найдешь меня.

Жатва одним ударом пробила грудную клетку жертвы, выдернула горячее, все еще трепещущее сердце и вгрызлась в него зубами. Густая темная кровь потекла по ее подбородку, шее, рукам, пачкая и без того не слишком чистую одежду.

Краем глаза Жатва заметила брезгливость на лице хозяина.

Ничем он не отличается от остальных. Все они морщат носы, когда видят, как кара пожирает плоть, хотя сами сотнями убивают себе подобных. Жатва никогда не могла понять их брезгливости, но это ее забавляло.

Наблюдать за трапезой кары – самое безобидное из того, что ждет человека, посмеявшегося связать ее и себя контрактом.

2

Веллан стремительно шагал по коридору, зажимая окровавленное запястье. За ним тянулась цепочка багровых клякс, блестящая в тусклом свете закатного солнца, что лился сквозь стрельчатые окна. Рукава серой рубахи и штаны, заправленные в высокие сапоги, тоже были заляпаны.

Это раздражало. Не рана, конечно. Рана скоро затянется, оставив очередной шрам. Раздражала своевольная выходка кары. Веллан тщательно подготовился к встрече, прочитал все фолианты, где описывался ее сумасбродный характер и непредсказуемость, но все равно оказался не готов к тому, что с первых же секунд знакомства она покажет зубы.

Наверняка в скором времени кара снова попытается прощупать границы дозволенного. Ну ничего. Он еще покажет этой твари, где ее место.

Веллан навалился плечом на массивную дубовую дверь с металлическими пластинами. Старые петли жалобно скрипнули, и голоса, до этого глухо доносившиеся из помещения, разом притихли.

В комнате было трое. Йенс, флегматичный здоровяк в кожаной безрукавке, сидел за столом с кружкой вина. Никс, смазливый блондин, от скуки качался на стуле и смотрел в потолок. А угрюмый Мадмар, старший из всех, с небрежной многодневной щетиной и бороздами шрамов на лице, мерил шагами комнату.

Едва переступив порог, Веллан тут же поймал на себе их настороженные, выжидательные взгляды.

– Ну, как все прошло, командир? – нетерпеливо спросил Никс.

Йенс, который был в отряде за лекаря, заметил:

– Многовато крови. Ты провел там пару минут, а кара уже успела тебя покусать. Где она?

– Жрет.

Оставив дверь приоткрытой, Веллан сел рядом с Йенсом, который уже выложил на стол полоски ткани.

Здоровяк плеснул спирта из большой бутылки на окровавленные запястья. Веллан поморщился: от едкого запаха слезились глаза, а место укуса словно огнем обожгло. Быстро и плотно перемотав раны тканью, Йенс поднял на командира неодобрительный взгляд:

– Отличное начало крепкой дружбы.

– Пожалей меня еще.

Йенс многозначительно изогнул бровь, сложил руки на груди и опустил обратно на грубо сколоченный стул. Веллан придвинул к себе кувшин с подогретым пряным вином.

– Я все равно считаю, что это слишком рискованно, – подал голос Мадмар. – Не просто так столько лет никто не попытался воспользоваться ключом. Как бы эта кара не принесла нам больше проблем, чем пользы.

– Брось. Она умеет выполнять команды, – откликнулся Веллан. Он заглянул в кружку Йенса, плеснул туда немного вина и сделал большой глоток, игнорируя слабые возражения товарища. – Сейчас пожрет и уgomонится.

– Говоришь так, будто она одичавшая псина, – усмехнулся Никс. Он тоже подсел к столу, поставив стул спинкой вперед, и расслабленно уложил подбородок на скрещенные перед собой руки. – Но мы ведь все читали записи. Ее не приручить исправной кормежкой и теплой лежанкой у камина.

– Ага. Мы, вообще-то, за свои души волнуемся, – хмуро напомнил Мадмар. – Стать обедом кары – значит лишиться возможности перерождения. По крайней мере, так говорят священники.

Никс хмыкнул:

– Ну, кто за душу, а кто за жопу...

– Была б кара мужиком, твоя жопа и правда оказалась бы под угрозой.

В комнате висело напряжение, которое не разрядила даже скабрёзная шутка. Веллан оглядел товарищей и на лице каждого прочитал сомнение.

Йенс мрачно смотрел на пропитавшиеся кровью повязки на запястьях командира, барабаня пальцами с обломанными ногтями по столешнице. Мадмар следил за приоткрытой дверью, покручивая в ладонях давно опустевшую кружку. Никс же пытался казаться непринужденным, но его выдавала нервная ухмылка.

Веллан сделал еще глоток и вздохнул.

– Кара никому не причинит вреда. Она связана контрактом, и любое нарушение моего приказа вызовет у нее приступ дикой боли. Я разъясню ей правила поведения. И если она не совсем тупая, то поймет, что своевольничать не получится. Все ее прежние хозяева допускали одну и ту же ошибку – недооценивали ее. Она хитра и обязательно попытается найти способ обойти запреты, но я сделаю так, чтобы у нее не осталось и шанса.

Мадмар цокнул языком.

– К чему эти сложности, командир? Мы бы нашли способ справиться с фаррахайцами и без этой твари.

– У противника тоже есть кара – Сумрак. Нам необходимо что-то противопоставить, иначе Фаррахай с легкостью завоюет нашу страну, выкашивая одну крепость за другой. Может, вы уже забыли, как Сумрак в одиночку захватил западную крепость Тайффри? Только кара справится с себе подобным. К тому же расторгнуть контракт и остаться при этом в живых невозможно. Так что пусть кара послужит на благо нашей родины, а там посмотрим. Все равно ничего другого не остается. Раз уж фаррахайцы решили нарушить международное соглашение и применить силу кары для нападения на наши земли, мы должны ответить тем же. Если мы отвоюем Тайффри за один день, это пошатнет их решимость.

– Скорее это заставит их искать новые средства, – задумчиво протянул Никс. – Не удивлюсь, если Ингольв, король Фаррахая, откроет охоту на владельцев остальных ключей. Я бы именно так и сделал.

– Предлагаешь начать искать их первыми? Или тебе так понравилась роль похитителя ключа, что ты подумываешь о смене профессии?

– Одного раза хватило, – ответил Никс. – Я никогда в жизни так не нервничал, как в ту ночь, когда вломился в аббатство Швайген и стянул ключ. Повезло, что святоши защищали его одними только обещаниями гнева Господнего. Кажется, перерождение теперь мне тоже не светит. Спасибо большое, командир.

Мадмар угрюмо заключил:

– Если хоть одна из сторон завладеет большим количеством тварей, война людей превратится в войну кар. Лучший вариант – спрятать все ключи, чтобы никто ими не воспользовался.

– Мад, когда ты успел стать таким осторожным?

– Я просто не люблю иметь дело с силами, которые невозможно постичь.

Мадмар потянулся к кувшину с вином, кинул взгляд за спину командира и застыл. Веллан, а за ним и все остальные, обернулся.

Кара стояла у стены и улыбалась. Как давно она здесь? Веллан не слышал ни ее шагов, ни скрипа двери.

На несколько мгновений в помещении воцарилась тишина, а потом Жатва хрипло сказала:

– Я смотрю, ты и друзей привел.

Она расслабленно подошла к остальным и уселась прямо на стол. Ее лицо, шея, грудь и руки были в крови. Капли падали на столешницу с кончиков черных волос, отливающих в свете огня красным.

Исходящий от Жатвы смрад заставил всех поморщиться. Мадмар, оказавшийся к ней ближе остальных, чуть отодвинулся, чиркнув стулом по камню. Йенс уставился на нее настороженно, а Никс – с испугом и толикой интереса.

Все с той же гадливой, хищной, пробирающей до мурашек улыбкой, которая казалась одновременно отталкивающей и странно притягательной, Жатва продолжила:

– Неужели ты заключил со мной контракт для *этого*, м-м? – Кара вскинула бровь и обвела каждого долгим взглядом пугающих черных глаз с ядовито-зелеными радужками. – Решили разделить меня на четверых?

Йенс сдавленно кашлянул, поперхнувшись слюной. А Мадмар снова благоразумно отодвинулся подальше.

– Давненько же у меня не было мужчины... – протянула Жатва и наморщила нос. – Но вы, ребята, выглядите слегка потрепанными, будто вас самих недавно хорошенько отодрали. Жизнь такая, наверно? Имеет всех подряд. Одних больше, а другие просто научились наслаждаться процессом.

Она остановила взгляд на Никсе и подмигнула:

– А вот парнишка вполне ничего. Эй, красавчик, хочешь быть первым?

Никто, включая Никса, не издал ни звука. Только хлопали глазами, ошалело пялясь на кару. А она явно издевалась: реакция мужчин ее забавляла.

Веллан пришел в себя первым, нахмурился и угрожающе рявкнул:

– Заткнись, тварь!

– О, мне удалось смутить тебя, мой господин? Мило. А то надоела уже твоя одинаковая каменная рожа.

Веллан заставил себя успокоиться и вновь принял равнодушно-скучающий вид.

– Не переживай, – бросил он. – Здесь к тебе никто приставать не будет. Ни у одного нормального мужика не встанет на такую отвратительную тварь.

– Как грубо. А прежние мои хозяева были другого мнения. Ты наверняка читал об этом в их записях. Нет? Жаль. Ты бы понял, что не только я могу быть отвратительной.

Жатва перестала улыбаться и прямо взглянула на Веллана. Ее глаза внушали первобытный страх. Что ж, когда-то кара действительно имела власть, но теперь все, что у нее осталось, – это воспоминания о былом величии.

Веллан не привык бояться. Сейчас он был хозяином, а кара – всего лишь непослушной псиной.

– Слезь со стола и встань там. Молча.

Жатва тут же бесшумно прыгнула на пол, оставив после себя на столешнице кровавые отпечатки. Без возражений она отошла к стене, скрестила руки и замерла, безучастно глядя в сторону. Только размашистый шрам, тянущийся через всю щеку от уголка губ, заставлял ее кривиться в однобокой усмешке.

«Хорошо, – отметил Веллан. – Знает, чем грозит непослушание».

Он подлил себе еще немного вина – оно уже совсем остыло – и обернулся к товарищам. Подождал, пока те оторвут удивленные и настороженные взгляды от кары, и строго сказал:

– Прекращайте подыгрывать ей. Это всего лишь вещь. Инструмент, благодаря которому мы поставим врагов на колени. И пусть вас не обманывает ее внешняя схожесть с человеком. Человеческого в ней ничего нет. Я поселю ее в пятой башне. Всем остальным передайте, чтобы не шатались там лишний раз.

– Да, командир...

Веллан одним глотком осушил кружку, поднялся и махнул каре:

– За мной.

Жатва покорно поплелась следом.

Они шли по коридору крепостной стены. Веллан почти не слышал шагов кары – о том, что она все еще здесь, напоминал лишь густой, тяжелый запах крови.

– Сейчас я отведу тебя в твою комнату, – нарушил он молчание. – Запрещаю покидать ее без моего разрешения. Позже принесут воды – вымойся. Там же лежит одежда. Она твоя. Смотри не запускай ее, другой не получишь. Я не собираюсь бегать по рынку в поисках плащей... или что там тебе еще может понадобиться.

Жатва не ответила, но Веллану было плевать. Даже если тварь продолжит игнорировать его, контракт не даст ей нарушить хоть один из произнесенных вслух приказов.

По крутой лестнице с потертыми и кое-где раскрошившимися ступенями они молча поднялись почти на самый верх башни. Веллан открыл ключом массивную дверь и жестом велел каре войти. Остановившись в центре комнаты, Жатва презрительно фыркнула.

– Не нравится? – спросил Веллан равнодушно.

Жатва обернулась к нему.

– Мочой воняет. Вы запирали здесь старика с недержанием? Можно мне хотя бы другой матрас?

– Как только докажешь свою полезность и послушание. Меня не заботит твой комфорт и благополучие, и я не собираюсь нянчиться с тобой, как с дорогой гостьей. Меня волнует только безопасность моих людей. Если начнешь надоедать мне или кому-то другому, я сделаю тебе больно. Запомни это хорошенько.

– Не представляешь, сколько раз я это слышала, – отмахнулась Жатва. – Вы, люди, будто и не умеете добиваться своего другими способами, кроме запугивания и избиений.

Веллан проигнорировал ее слова.

– Сиди тихо, пока не приду за тобой. Запрещаю тебе как-либо обозначать свое присутствие. Это значит – не стучи в дверь, не кричи, не пой, не ломай мебель...

– Да поняла я! Вот же зануда. А когда я смогу выйти во двор?

– Когда мне это понадобится.

– Но я ведь так давно не видела солнца!

– Из окна посмотришь. А теперь заткнись, сиди здесь и жди указаний.

* * *

Как только дверь за Велланом и карой закрылась, товарищи многозначительно переглянулись.

– Береги жопу, красавчик, – флегматично предостерег Йенс, нарушив затянувшееся молчание.

Остальные нервно рассмеялись. Пока никто из них не мог понять, как реагировать на кару и ее вызывающее поведение.

– А она вроде... забавная, – пожал плечами Никс. Он привстал со стула, чтобы заглянуть в глиняный кувшин, и, обнаружив там остатки вина, сделал несколько глотков.

– Забавно будет, когда она вырвет твоё теплое сердечко и сожрет его, – съязвил Мадмар. Он с самого начала был ярким противником безрассудного плана командира, который мог обернуться гибелью людей от рук взбесившейся кары. – Даже не знаю, что может быть безумнее, чем привести еще одну тварь в мир, где и без того полно всякой жути.

– Да не ссы, – отмахнулся Никс. – Раз Вел говорит, что сможет ее контролировать, значит, уверен в этом. Он несколько дней готовился к тому, чтобы заключить контракт. К тому же он прав: другого способа одолеть Сумрака нет. Что мы сможем сделать, когда он придет по наши души? Ровно то же, что и жители Тайфри: развлечь его предсмертными криками.

Мадмар сложил руки на груди и смерил его хмурым взглядом.

– Есть и другие кары, более послушные.

– Вел берет только самое лучшее, – сказал Йенс. – Если в какой-нибудь паршивой древней книжонке написано, что Жатва лучшая из всех известных кар, он берет ее.

Мадмар скривился.

– Даже если старые пердуны были правы насчет ее силы, то за столько лет заключения в гробнице все могло измениться. В отличие от Жатвы, у других кар были шансы и душами отожраться как следует, и способности развить.

– Если они вообще способны на развитие, – сухо заметил Йенс.

– А почему нет? Даже гайсты со временем становятся умнее, хотя они наполовину звери.

– Может, гайсты и похожи внешне на зверей, а кары на людей, но у всех них одна темная суть. И эта суть всего лишь использует возможности живого тела и разума. Собственно, алхимик Хатриф это и доказал своим безумным экспериментом, вышедшим из-под контроля. Выживание всего человечества теперь поставлено под угрозу. И если кар годы спустя удалось связать контрактами, то десятки гайстов, вырвавшихся на свободу, расплозились по континенту и начали размножаться.

– Как думаешь, кары что-нибудь помнят о своей прошлой, человеческой жизни? – спросил Никс.

Йенс откашлялся и, подавшись вперед, заговорил низким, гудящим голосом:

– Я читал трактаты алхимика. Хатриф был первым, кому удалось провести успешное подселение темной сути в живое тело. Сначала это были крысы, потом кошки, собаки... Он хотел создать неуязвимое оружие, послушное и мощное. Оружие, способное подавить любое восстание, смести чужую армию почти без потерь. Но только использование человека в качестве вместилища для темной сути дало ожидаемый результат. Кара понимала его речь и могла, в отличие от зверей, исполнить приказ. Жатва и есть та самая первая кара. Если верить записям Хатрифа, темная суть поглощает душу человека вместе с его воспоминаниями и преобразует тело. Так что, даже если Жатва и помнит, кем было ее вместилище раньше, не стоит считать ее той же женщиной. Она умело притворяется ради собственной выгоды. Но темная суть всегда была и будет враждебна человеку.

Мадмар и Никс переглянулись.

– Так... если они внутри вроде как одинаковые, – проговорил Никс, – станет ли Жатва сражаться с Сумраком?

– Связанная контрактом, она сделает что угодно, – кивнул Йенс, но в голосе его все-таки промелькнула предательская неуверенность.

– А как именно работает этот контракт, начитанный ты наш?

– Спроси что попроще. Священники умеют хранить тайны. Знаю только, что вначале изобрели святое оружие, убивающее гайстов. При этом карам оно особого вреда не причиняло. Потому стали искать способ хотя бы запереть их где-то, раз не выходит убить. Но вмешались политики. Кары – слишком ценный инструмент, чтобы отказываться от такой силы. Так появились гробницы: некий ритуал открывает проход за границу нашего мира, в искусственно созданную пустоту. Души священников укрепляют это место, не позволяя каре выбраться. Однако открыть гробницу можно – специальным ритуальным ключом. Когда кара пьет кровь нового хозяина, ритуал связывает ее с ним, вынуждая исполнять произнесенные вслух приказы. Пока жив хозяин, кара остается на свободе. А с его смертью гробница вновь поглощает ее.

– Значит, в интересах Жатвы сохранять Велу жизнь, – заключил Никс. – Хоть что-то хорошее.

* * *

Жатва постояла еще немного посреди комнаты, привыкая к обстановке. Серые каменные стены давили однообразием. На полу валялся соломенный тюфяк, едкая вонь от которого

заполняла все помещение. В одной из стен были выбиты три узкие длинные бойницы. Холодный ветер со свистом проникал сквозь них и хоть немного разбавлял зловоние. У другой стены в небольшом углублении красовалась заляпанная засохшим дерьмом щель в полу, не прикрытая ни дверью, ни хотя бы занавеской. Единственным предметом мебели оказался сиротливо стоящий в темном углу стул, на котором лежала стопка одежды.

Сквозь бойницы в башню пробивались и последние лучи уходящего солнца, тусклые и теплые, словно расплавленная медь. Жатва сунула руку в узкую смотровую щель, содрала кожу о шершавый камень, но ей так и не удалось дотянуться до свободы хотя бы кончиками пальцев.

Она не собиралась покидать башню. Хотела только ощутить солнечный луч. Но новый хозяин лишил ее даже такой малости.

Кара со вздохом разочарования выдернула руку из бойницы – царапины моментально затянулись – и прижалась щекой к холодному камню.

Одна темница сменилась другой. Можно было бы разозлиться, но Жатва не ожидала иного. Каждый новый хозяин поступал с ней так же, как и предыдущий. И этот не станет исключением. Люди приходят и уходят, а отношение к карам остается прежним.

Через бойницу Жатве был виден кусочек потемневшего беззвездного неба, черные квадраты полей, обрамленные жухлой травой, и бескрайний лес за ними. Деревья, уже почти без листвы, бурыми пятнами разбавляли тусклую зелень хвой.

Жатва замерла, вдыхая запахи осеннего вечера, пока тихие шаги на лестнице не заставили ее обернуться.

Ключ щелкнул в замке. Женщина в чепце, неброском платье и фартуке оставила у порога таз с водой и чистый лоскут ткани, а затем быстро захлопнула дверь. Боялась.

С мрачным удовольствием Жатва представила, сколько шума наделало ее появление. Ее всегда боялись. Все. Она могла бы поспорить, что и новый хозяин боится, хоть и очень хорошо это скрывает.

Жатва скинула одежду. Подсохшая на коже кровь посыпалась на пол мелкими хлопьями. Кару не слишком заботил внешний вид, но упрямитесь по мелочам и злить лишний раз хозяина она не собиралась. А потому тщательно обмылась, расплескав порозовевшую воду, обтерлась ветошью и взяла со стула свежую одежду.

Рубашка с широкими рукавами и узкими манжетами, свободные штаны с высокой талией, мягкие кожаные сапоги – все это походило на часть мужского военного облачения. Не хватало только камзола с рапирой.

Одежда пахла пылью и тленом. Запах крови Жатве нравился больше.

Выполнив все указания человека, кара придвинула к бойнице стул, залезла на него с ногами и стала ждать.

Свобода находилась всего в шаге от нее. В единственном непреодолимом шаге.

3

Деревянная оконная ставня хлопнула, заставив Мирт вздрогнуть и смять в кулаках колючее одеяло. Сердце тревожно ускорилося, хотя причин для этого не было.

Стояла глубокая ночь. За окнами ветер шумел остатками бурой листвы, свистел в щелях разошедшихся створок. Сквозняк потихоньку выстуживал и без того не слишком теплый воздух общей спальни, нагретый лишь дыханием послушниц. В помещении царила почти полная темнота, только бледный лунный свет мелькал в открытом окне вместе с качающейся туда-сюда ставней.

Мирт куталась в тонкое шерстяное одеяло и пыталась заснуть. С тех пор как она поселилась здесь, в аббатстве Мидфри, бессонница и неутрахающая тревожность стали ее постоянными спутницами.

Ставня снова с грохотом ударила о стену под особенно сильным порывом ветра. Мирт дернулась, скрипнула зубами от раздражения и усталости. Придется подняться и закрыть, иначе не останется и шанса хоть ненадолго задремать.

Она нехотя села на жесткой скрипучей койке. Босые ноги коснулись вечно холодного камня. В длинной проходной комнате кровати послушниц стояли в ряд у стены напротив стрельчатых окон, между которыми висели вбитые в камень крепления для факелов. Под койками стояли деревянные ящики со сменной нижней одеждой и личными экземплярами Послания.

Зябко поежившись, Мирт накинула на плечи одеяло и поплелась к распахнутому окну. Остальные послушницы тихо посапывали. Она завидовала им. У них-то, в отличие от нее, есть цель. Они понимают, что делают в аббатстве и ради чего. А потому могут спать спокойно, зная, что на верном пути. На том пути, что приведет их бессмертные души в Царство Божие. На пути, что в веках прославит их имена.

Однако Мирт была далека от благодной безмятежности. Даже спустя два года обучения здесь она все никак не могла свыкнуться с мыслью, что скоро душа ее превратится в оружие.

Она дошла до окна, створки которого чуть ли не каждую ночь болтались на ветру из-за сломанной щеколды. Привсталла на цыпочки и схватила непослушную деревянную ставню. Ветер снаружи обдал ее воспаленные от недосыпа глаза и выбритый череп осенним холодом. Мирт поспешно захлопнула створки, приладила кое-как щеколду и понадеялась, что та до утра продержится.

Быстро возвратившись в неудобную постель, она свернулась калачиком и укрылась одеялом с головой. Пальцы на ногах покалывало от холода, кости ныли, а за окнами по-прежнему разносились хоть и приглушенные, но все же слишком громкие завывания ветра. В таких условиях и без того уснуть трудно...

Бессонница неизменно превращала каждую ночь в пытку. Как бы много Мирт ни трудилась днем, заснуть ей это не помогало. Казалось, долгожданное забытие уже близко, но оно все не шло. В конце концов Мирт теряла и счет времени, и ощущение реальности. И только под утро погружалась в тревожную дремоту на пару часов.

От ночной маеты и недосыпа гудела голова, болели глаза. Мирт ощущала себя разбитой и заторможенной, но при этом не могла расслабиться ни на миг. И чем ближе подходил день посвящения, тем более напряженной она становилась.

* * *

Низкий гудящий звук колокола выдернул Мирт из благословенного забытья, в которое ее измученное сознание все-таки погрузилось за несколько часов до рассвета. Веки удалось разлепить с великим трудом, а тело отяжелело и почти не слушалось. И пока остальные послушницы относительно бодро обменивались приветствиями и заправляли постели, Мирт отупело пыталась понять, что вообще следует делать.

Кто-то аккуратно потряс ее за плечо.

– Опять? Сестра Мирт, ты выглядишь больной. Может, пора уже поговорить с Лакифой?

Мирт медленно повернула голову. Перед глазами все расплывалось. Наконец она смогла сфокусировать взгляд: рядом стояла одна из послушниц – сестра Юна. На загорелом лице, покрытом едва заметными веснушками, читалось искреннее беспокойство.

Нахмурившись и покачав головой, Мирт потянулась к темно-коричневой рясе, висящей на спинке койки.

– Не понимаю, – продолжала Юна, – чего ты упрямишься. Нам скоро проходить посвящение. Для борьбы с темной сутью потребуются все силы, а ты тратишь их на борьбу с собственным разумом.

– Я недостойна милости Божией... – прошептала Мирт заученную фразу, которой и сама стала верить после стольких повторений.

– Каждый достоин, кто верует и служит, – по канону откликнулась Юна и протянула Мирт четки, которые та потерянно пыталась нашарить на постели. – А ты все же подойди к Лакифе. Может, она какую микстуру приготовит. Болеть не грех, как и просить помощи. Грех – отказать в помощи, пусть даже самой себе.

Мирт лишь неопределенно хмыкнула в ответ. Ни мать Лакифа, ни настоятель Аран не смогут помочь ей. И это место, и ответственность, возложенная на нее, и определенность собственной судьбы, и страх перед этой самой судьбой – вот что было причиной бессонницы. Признаться в таком спустя почти два года Мирт казалось постыдным и бессмысленным.

– Поторопись, пожалуйста, сестра. Ждем только тебя, – произнесла Карисса, старшая из послушниц, остановившись напротив.

Карисса недовольно поджимала губы и хмурилась. Мирт была уверена, что старшая недолюбливает ее за медлительность и неспособность вовремя собраться. Каждое утро остальные двенадцать послушниц терпеливо ждали свою нерасторопную сестру, потому что являться на утреннюю молитву нужно было вместе.

Мирт постаралась заставить тело двигаться. Под выжидательными взорами сестер она кое-как подвязала мешковатую рясу поясом из бечевки, втиснулась в войлочные полусапожки и не слишком старательно расправила одеяло. Сестра Карисса, по-прежнему с недовольно поджатыми губами, скупо кивнула и повела послушниц к кирхе.

Все они носили одинаковые одеяния и одинаково брили головы, как только волосы отрасли длиной чуть больше ногтя. Мирт знала, что в мужских монастырях послушники выглядят так же, занимаются той же работой, читают те же молитвы. В служении Господу все равны – или, скорее, стали равны, как только эксперименты показали, что для создания святого оружия подходят души как мужчин, так и женщин.

Послушницы молча прошли по пустым полутемным коридорам аббатства. Сырой ветер проникал в помещения сквозь распахнутые окна вместе со светом пасмурного осеннего утра. Кое-где по углам лежали принесенные с улицы жухлые листья, почти неотличимые от каменных стен того же коричнево-серого оттенка. Иногда Мирт задавалась вопросом, подбирались ли рясы под цвет монастыря, или это чистое совпадение.

Кирха располагалась чуть в стороне от прочих зданий. К ней вела выложенная камнем, тщательно очищенная от мха и травы дорожка. Шестиугольная постройка оканчивалась остроконечной крышей, устланной осиновой дранкой. Венчал кирху серебряный меч с широко раскрытым глазом на крестовине – символ Дара Церкви Видящего.

Отец Аран, настоятель аббатства Мидфри, и старшая монахиня Лакифа уже ждали внутри. Оба неподвижно стояли, повернувшись к скромному алтарю с серебряным мечом гораздо меньших размеров, чем тот, на крыше. Других символов или изображений Видящего в кирхе не было: у Бога нет тела, Он вездесущ и многолик.

Послушницы безмолвно заняли свои места за спинами наставников, сжали в пальцах четки, которые носили на левом запястье, и приготовились к чтению молитвы.

Настоятель – седой старик, получивший от послушниц прозвище отец Ладан, – облаченный в аналав поверх рясы и власяницы, сухо откашлялся и медленно, со скрипом и хрустом суставов, опустил на колени. Остальные тут же последовали за ним. Колени полагалось ставить на прибитые к полу рейки, которые уже на пятой строфе начинали причинять боль. А к концу первой молитвы боль – часть ежедневной аскезы на пути к очищению – становилась почти нестерпимой.

Аббат Аран забормотал молитву. Голос у него был слабый, к тому же во рту почти не осталось зубов, и понять, что он говорит, Мирт могла разве что наугад. Отцом Ладаном его прозвали за вечно тянущийся за ним тяжелый, густой запах благовоний. Впрочем, ладан не мог полностью скрыть кислую вонь: старик страдал недержанием. Хорошо, что настоятель редко пересекался с послушницами.

– Мы вверяем Тебе, Господи, тела и души наши, – шептала Мирт вместе с остальными, катая бусину между пальцами. – Взгляни глазами нашими на дела, что во славу Твою совершаем мы. Направь руки наши, и укрепи сердца наши, и очисти мысли наши, дабы ничто не стояло на пути Твоей святой воли, что воцарится на землях бескрайних. Под взором Твоим пройдем по пути истинному, по пути праведному, с благодарностью и смирением, с которыми встречаем каждый день и каждый час.

С трудом сохраняя равновесие, Мирт поднялась с колен, когда отсчитала пальцами пять бусин. Ноги затекли и немилосердно гудели. Гудела и голова – от бормотания, наполняющего кирху. А въедливую смесь ладана и мочи не мог вытеснить даже холодный осенний ветер, что свободно проникал сквозь одинаковые окна под потолком.

Еще пять молитв следовало читать стоя, а на одиннадцатой нужно было вновь опуститься на колени. И так, пока не завершится полный круг четок, состоящий из тридцати пяти бусин. Только потом, пошатываясь от боли в затекших ногах, преисполненные благодати Божией, послушницы молчаливым строем шли в трапезную.

В первые месяцы было тяжелее всего. Не все девочки могли дотянуть до конца молитвы, длящейся около часа. Но теперь ни одна из них не дрожала и не ерзала в попытках хоть немного ослабить боль. Мирт украдкой наблюдала за сестрами. На их спокойных, сосредоточенных лицах не промелькнуло ни тени страдания. Каждая из них смогла подчинить тело своей воле и укрепить дух, сделав его твердым, точно камень. Даже те шестеро, что пришли в аббатство год назад.

Мирт видела это, восхищалась и завидовала. В такие моменты она особенно остро ощущала, что ей здесь не место. Пусть за два года она привыкла к боли, но не смогла ее подчинить. Монахиня должна встречать боль как давнюю подругу. Мирт же терпела, преодолевая себя, лишь притворяясь смиренной.

Когда последняя бусина на нитке скользнула к остальным, послушницы зашуршали рясами, украдкой разминая ноги. Настоятель Аран остался в кирхе, чтобы продолжить служение, а мать Лакифа окинула строгим взглядом лица послушниц – не выглядит ли кто из них

излишне страдальчески, – после чего без лишних слов развернулась и вышла. За ней потянулись остальные.

* * *

День был пасмурным и холодным. По небу бродили низкие тучи, почти касаясь черных спилей аббатства. Морось пока больше походила на водяную пыль, но Мирт дергала плечами каждый раз, когда особо крупные ледяные капли падали на оголенный затылок.

После завтрака послушницы занимались уборкой территории аббатства, помогали на кухне заготавливать на зиму припасы, а в теплое время года работали в полях, самостоятельно обеспечивая себя всем необходимым. Разумеется, ни дождь, ни снег, ни палящий зной никогда не были достаточной причиной для того, чтобы пренебречь ежедневными обязанностями.

Несмотря на ноющие после утренней молитвы колени и замерзшие пальцы, Мирт эта работа нравилась. Не то чтобы она всегда мечтала чистить от налета уложенный камнем двор аббатства. Но к труду она была привычна с детства и за работой могла хоть ненадолго перестать чувствовать себя никчемной обманщицей. К тому же однообразные действия не требовали умственного напряжения, что было весьма кстати, так как из-за постоянного недосыпа Мирт не могла ни на чем сосредоточиться.

Всю первую половину дня она провела в полубессознательном состоянии, пока терла камни жесткой щеткой. Мысли текли вялые, а время проходило незаметно.

В безмятежной тишине, наполненной только шуршанием щетки и редкими криками птиц, громко хлопнула дверь. Мирт от неожиданности вздрогнула и выронила щетку. Но это всего лишь одна из послушниц вынесла ведро с водой.

Мирт проследила взглядом, как сестра спускается по ступеням, выливает грязную воду в дренажный ров и идет обратно: лучше видеть, как кто-то открывает дверь, чем каждый раз дергаться от внезапного шума.

– Ты чего? – раздался знакомый голос совсем рядом.

Мирт резко обернулась с ощущением, что сделала что-то не так. Юна глядела на нее невыразительными серыми глазами, сидя на корточках неподалеку с такой же щеткой в руках.

– М-м?.. – вопросительно промычала Мирт и торопливо подхватила собственную щетку на случай, если Юна заподозрила ее в отлынивании от работы.

– Ты трешь тот камень уже половину колокола, – безо всякого упрека заметила Юна.

– А, задумалась.

– Можно и отдохнуть немного.

Юна поднялась и потянулась, разминая затекшую спину и руки. Мирт с опаской огляделась: не следит ли кто из старших?

– Отдохнуть?

– Да что ж ты постоянно дергаешься? – улыбнулась Юна. – За небольшой перерыв не накажут. Труд – это молитва. Но и наблюдение за миром – тоже молитва. Господь смотрит нашими глазами, и мы должны показывать Ему не только голый камень.

Чуть помедлив, Мирт тоже разогнула спину и несмело опустилась на каменный парапет рядом с сестрой Юной. Высота здесь была всего в человеческий рост, но все равно казалось, что видно чуть дальше.

– Красиво, правда? И так спокойно, – протянула Юна. – Я и мечтать не могла, что аббатство окажется таким. Будто сам Господь благословил это место. Когда всю жизнь видишь разруху и грязь, то кажется, будто нечто столь величественное принадлежит совсем иному миру.

Монастырь возвышался хмурой молчаливой громадой за их спинами. Щурился множеством узких и темных окон, тянулся серыми островерхими башнями к тучам.

Мирт перевела взгляд на поле, грядки и сад. Крепкий частокол высотой в два человеческих роста тянулся по границе аббатства. А чуть дальше за ним начинались леса, но их уже сложно было разглядеть.

Похоже, они с Юной видели мир по-разному. Мирт снова почувствовала укол тревоги и разочарования в себе: она не умела замечать красоту в мелочах, а значит, пока еще была непростительно далека от божественного благословения.

– Ты всегда мечтала... ну... стать монахиней? – осторожно спросила Мирт.

Среди послушниц не слишком жаловали пустую болтовню и уж тем более разговоры о прошлом. Но Юна не рассердилась, а рассмеялась тихо и грустно:

– Ну, в детстве я хотела стать женой лорда... – А потом она обратила к Мирт серьезное лицо и твердо ответила: – Не монахиней я мечтала стать. Оружием.

Юна снова повернулась к полям, а Мирт удивленно уставилась на нее, рассматривая веснушчатое лицо и короткий ежик соломенных волос. Интересно, это место изменило Юну или же просто дополнило?

– Когда я была ребенком, – снова заговорила Юна, – гайсты как-то преодолели стену вокруг нашего маленького поселения. Частокол был старый и разошедшийся. Не успели заменить на новый – и вот. – Она по-прежнему спокойно смотрела вперед, но голос ее стал глухим. – К утру осталось меньше половины жителей. Гайсты разорвали родителей прямо на моих глазах, а я лишь чудом успела закрыться на чердаке. Провела там несколько дней, прежде чем Истребители нашли меня. Вместе с другими сиротами нас отдали на попечение приюта при Церкви Видящего, и уже оттуда, как только подошел возраст, я отправилась в аббатство Мидфри.

Мирт открыла было рот, собираясь сказать что-нибудь утешительное, но так и не смогла ничего придумать.

– Даже спустя столько лет я помню все. Я сидела на чердаке, беспомощная и напуганная, и слушала, как гайсты пожирают моих родителей, слушала хруст костей и чавканье, истошные вопли людей за окном. И еще эта... эта невыносимая вонь, которая становилась с каждым днем только хуже. – Юна поморщилась, словно даже сейчас чувствовала тот запах. – Я помню оцепенение и непроходящий ни днем, ни ночью ужас, когда боишься даже пальцем шевельнуть, чтобы ненароком не привлечь внимание тварей.

От безмятежности Юны не осталось и следа. Она глубоко вздохнула в попытке успокоиться. Ее обычно невыразительное и такое простое лицо стало жестким.

– И вот, когда я сидела без сна, без еды и воды на душном чердаке в луже собственной мочи и могла только повторять без остановки единственную известную мне молитву, – вот тогда я и поняла, каким должен стать мой путь. Только так я смогу что-то изменить. Послужить оружием в борьбе с темной сутью, которая сгубила столько жизней. И я с радостью отдам свою душу, чтобы защитить людей. Чтобы как можно меньше было таких, как я, детей, которым пришлось увидеть смерть.

Мирт громко сглотнула, пытаясь избавиться от подступившего к горлу кома горечи. Она прежде не задумывалась о том, что сподвигло сестер стать послушницами, почему они так спокойны в ожидании сокровенного ритуала самопожертвования.

Она хотела бы сказать, что понимает. Сказать, что Юна только что помогла ей пойти по пути принятия собственного будущего. Сказать, что благодарна. Но Мирт никогда не умела хорошо говорить, а потому просто выдавила:

– Это... достойная цель.

Юна приподняла уголок рта в слабой полуулыбке.

– Разве же бывает по-другому? Думаю, каждая из сестер пережила нечто подобное. А ты, Мирт, как решила стать монахиней?

Мирт отвела взгляд, сжала пальцами грубую ткань рясы и тихо выдохнула:

– Когда мне было пятнадцать...

* * *

Когда Мирт было пятнадцать, отец выволок ее из угла, взял за горло и хорошенько приложил затылком о стену. Потом склонился к самому ее лицу и проревел, обдав зловонием выпитого пива и гнилых зубов:

– Мелкая бесполезная дрянь!

Может, сказал что-то еще, но Мирт не слишком четко запоминала такие моменты. Их было предостаточно, они сливались в один, потому что отец каждый раз повторял одно и то же и совершал одни и те же поступки. За встряской обычно следовала крепкая оплеуха, после которой Мирт уже не могла держаться на ногах. Потом он брал ее за шиворот и тащил по грязному полу, спускал с лестницы или запирали в сарае.

Но в тот раз он только зло усмехнулся.

– Даже такая жалкая тварь, как ты, может принести пользу. Пора тебе расплатиться за все эти годы. Болталась на моей шее, как мерзкий ненасытный клещ, который только и делает, что жрет и срет. Все! Я не собираюсь содержать тебя до конца жизни. Верить в Бога, мелкая дрянь?

Мирт знала о Боге лишь то, что у него серебряный глаз, которым он смотрит на мир с крыши шестиугольного дома, называемого кирхой.

Потом отец сказал, что в Мидфри пришли монахи из аббатства – вербовать детишек на служение Господу. И еще сказал, что родителям, чьи дети станут послушниками, причитается щедрое вознаграждение от Церкви.

– Когда монахи спросят, сама ли ты решила стать послушницей, скажешь, что сама, ясно?

Он снова встряхнул ее за воротник в попытке выбить хоть слово, но Мирт в такие моменты впадала в оцепенение и могла только затравленно хлопать глазами.

– Ясно тебе, а? Отвечай, дрянная девка! – ревел он.

Мирт нашла в себе силы слабо кивнуть.

– Повтори, – прошипела мать над ухом. – Повтори, что ты должна сказать.

Мать вечно выглядела усталой. От ее засаленного передника пахло стряпней и потом. Она постоянно была занята, но непременно находила время, чтобы сказать, какое Мирт ничтожество.

– Ты должна быть благодарной! – сипела мать сорванным голосом. – Ничтожеству вроде тебя такой шанс выпадает нечасто! Или ты чем-то недовольна, а? Да кем тебе вообще светит стать? Очередной грязной шлюхой, продающей тело за кусок хлеба? Скажи спасибо отцу за то, что дает тебе шанс обрести хоть какой-то смысл в твоей никчемной, бесполезной жизни!

– Только попробуй проболтаться хоть кому-нибудь! Только попробуй опозорить семью! Если тебя выкинут из монастыря, – пригрозил отец, – я прирежу тебя, ясно? Как паршивую свинью прирежу!

* * *

Мирт не могла рассказать Юне правду. Но и солгать не могла, потому что ложь – это грех. Достаточно и того, что она обманула монахов два года назад. Поэтому Мирт произнесла:

– Когда мне было пятнадцать, родители рассказали мне о возможности служить Господу. Так я и оказалась здесь.

– Неужели так просто взяла и решила? – приподняла светлые брови Юна.

Мирт наконец разжала пальцы, разгладила скомканную рясу и взглянула сестре в глаза.

– В моей жизни прежде не было смысла. Но мне очень хотелось, чтобы он был.

С тех пор Церковь Видящего и правда стала для нее единственным смыслом. Вера заменила пустоту и одиночество, аббатство сделалось домом. Она была благодарна за кров, за пищу и за хорошее отношение, за знания, которые никогда не получила бы, останься в Мидфри с семьей. И ей очень хотелось быть такой же, как сестры. Но она знала, что никогда этого не случится.

Огромная пропасть лежала между ними – девушками, что пришли сюда по собственной воле и рады были отдать тело и душу ради чего-то большего, и самой Мирт, которая делала это из страха.

Ощущение, что она недостойна находиться здесь, никогда не покидало ее. Мирт боялась отца, боялась того, что сделает настоятель, если узнает правду, и боялась смерти. Но считала, что умереть, превратив душу в оружие, не так страшно, как умереть от ржавого отцовского ножа.

Вот только оружием могла стать лишь душа, отданная добровольно.

4

Специальный отряд армии Хавенгура в народе именовали Истребителями. И единственной их задачей было уничтожение гайстов. Некоторые ученые-алхимики утверждали, что уничтожить темную суть невозможно, а можно лишь отделить от тела, перекрыв ей таким образом доступ в материальный мир. Но подобные тонкости обычным людям казались слишком сложными. Так что даже сами Истребители называли свое дело уничтожением. Ну или изгнанием.

Чуть больше ста лет назад в результате нелепой ошибки первые гайсты оказались на свободе. Они быстро разбежались по континенту и принялись порождать себе подобных с ужасающим рвением. Хотя никто вначале не предполагал, что такое вообще возможно, и уж тем более никто не знал *как*.

Лишь в результате союза, граничащего с богохульством, – объединения церковных сил и знаний алхимиков, – путем множества проб и ошибок удалось создать оружие, способное противостоять гайстам. Отданная добровольно душа священнослужителя, помещенная в меч, наделяла кусок металла почти божественной силой.

Священники видели в этом открытии Божий Промысел и возможность лишний раз доказать миру, что душа истинно верующего вкупе с добродетелью и самопожертвованием обретает великую силу для борьбы со злом. Алхимики же полагали, что все дело в том, что душа противоположна по свойствам темной сути.

Сотни священнослужителей (которых и так поубавилось после запечатывания кар) жертвовали души для создания особых, *святых* клинков. По всему континенту, как грибы после дождя, росли монастыри, куда принимали на обучение юношей и девушек, желающих отдать жизни за род людской и превратить свои души в оружие.

Право на владение божественным мечом могли получить только искуснейшие мечники, из которых впоследствии и сформировали отряды для защиты городов-крепостей.

Веллан Родеган командовал одним из таких отрядов. Когда-то их всех – одного раньше, другого позже – после обучения в столичной военной академии перевели в Крайфорт и расквартировали в башнях крепостной стены. Двадцать Истребителей и семьдесят стражников охраняли город, не считая отрядов из призванных на обязательную службу горожан. Примерно столько же было и в Тайфри. По слухам, ни один из них не сумел даже ранить Сумрака, когда тот в одиночку пришел захватывать крепость.

Веллан отлично понимал, что на одной крепости фаррахайцы не останутся. Все это понимали. И пока король собирал войска, которых все равно было бы недостаточно для противостояния каре, Веллан решил пойти на отчаянный шаг, чтобы обрести хоть какой-то козырь в надвигающейся войне.

Разумеется, он не раз прокручивал в голове ситуацию, что Жатва сможет каким-то образом освободиться от контракта и всех перебить. Однако городу в любом случае грозила неизбежная гибель от рук другого кары. А теперь хотя бы появился шанс защититься.

Этими мыслями Веллан и поделился с остальными Истребителями на общем собрании за два дня до заключения контракта. Разумеется, идея жить под одной крышей с карой пришлась по душе не всем. Но Веллан ни у кого не собирался спрашивать разрешения.

Утром, когда Веллан спустился к завтраку, воины встретили его удивленными взглядами, будто и в самом деле не ожидали увидеть живым. Их опасения основывались на легендах, местами преувеличенных, а местами вообще не имеющих ничего общего с реальностью. Никто из этих мужчин никогда не встречал кару, но Веллана вполне устраивало, что они ее заранее боятся. Нельзя позволять кому-то проявлять к Жатве расположение или сочувствие: она обязательно обернет это в свою пользу.

Скоро за столом к Веллану присоединились Мадмар и Йенс. Первый лишь мрачно кивнул и склонился над порцией ячменной каши. Второй же вместо приветствия указал на бурые повязки на запястьях командира. На ткани, прикрывающей место укуса, темнело внушительное пятно засохшей крови с разводами сукровицы.

– Пора перевязать.

– Займешься перед обходом, – отмахнулся Веллан.

Последним в трапезной появился Никс, со своей всегдашней расслабленной полуулыбкой на гладко выбритом лице. Этим утром он был единственным, кто не глядел на командира с угрюмостью и осуждением.

– Как ночь? – поинтересовался Никс, плюхнувшись на стул.

– Ты про гайстов, кару, горожан или мою скромную персону? – Веллан отодвинул пустую тарелку. Из-за собственных опасений по поводу поведения Жатвы он почти не спал, а когда ему все же удавалось погрузиться в тревожную липкую дремоту, вскакивал от каждого шороха. Но, разумеется, об этом его людям знать ни к чему. – Со стены донесений не было. В городе пока тихо, хотя слухи о каре уже расползлись.

– Народ будет недоволен, – проворчал Мадмар. – Они все пришли сюда только потому, что стена защищает их от тварей. А ты взял и провел одну из них в город. Как бы и правда не начались волнения. Теперь-то люди вряд ли почувствуют себя в безопасности.

– Плевать мне, как они себя чувствуют. И ты, Мад, завязывай с нытьем, надоел уже.

Никс с издевкой хмыкнул:

– Не выспался, а, командир?

Веллан смерил его хмурым взглядом, но угрождать себя ответом не стал.

– Сегодня особое внимание уделите юго-западному сектору. Вчера под вечер в той стороне слышали шум за частоколом.

– Давненько мы гайстов не видели в окрестностях Крайфорта. Даже как-то настораживает.

– Может, это просто дикие животные.

Веллан встал и собирался было покинуть трапезную, как дверь резко распахнулась и с улицы влетел посыльный. Юноша быстро оглядел сидящих за столами воинов, и взгляд его остановился на командире.

– Капитан Родеган! – Посыльный взмахнул рукой, торопливо подошел к Веллану и протянул маленькую полоску бумаги, свернутую в трубочку. – Вам послание. Только что голубь прилетел, и плац-адъютант меня направил прямиком к вам.

– Спасибо, можешь идти.

Веллан развернул послание, пробежался глазами по тонким крохотным буквам и смял бумагу в кулаке.

– Вот же ублюдок, – тихо процедил он сквозь зубы, откашлялся и обернулся ко всем остальным. – Через два дня кронпринц почтит наше захолустье своим присутствием. Приведите себя в порядок и передайте остальным.

– Да, командир! – откликнулись воины нестройным хором и загомонили, обсуждая новость.

Веллан покинул трапезную в еще более мрачном расположении духа.

* * *

Высокий грубо отесанный частокол щерился острыми зубьями на границе земель Крайфорта. Распорки и цоколь из камня укрепляли толстые бревна. Это была первая линия защиты от гайстов, огораживающая широкую полосу полей и пастбищ у каменных стен города-крепости.

Только так и выглядели поселения. Вырвавшись на свободу чуть больше века назад, твари принялись опустошать незащищенные деревушки и отдельно стоящие фермы на своем пути. Они с легкостью выбивали двери, прорывались сквозь окна, затянутые бычьим пузырем или слюдой. Лишь крепости могли защитить людей от кровожадных существ.

Вскоре немногочисленные укрепленные города оказались перенаселены. Потом начался голод: работать в полях стало слишком опасно. За голодом пришли и болезни, собравшие среди выживших обильную жатву. И только благодаря созданию святого оружия у загнанных в угол людей появился хоть какой-то шанс отвоевать землю обратно.

Истребители денно и ночно патрулировали территорию Крайфорта на случай, если какой-то из тварей все же удастся преодолеть частокол. Ночью часовые в основном наблюдали со стены и делали обходы с внутренней стороны заграждения, а днем выходили за ворота – старались уничтожать гайстов до того, как те станут проблемой.

Никс и Мадмар шагали по утопанной дороге, что тянулась от ворот каменной крепости к воротам частокола, а дальше вела сквозь леса, рощи и населенные гайстами земли к другому островку относительной безопасности, также обозначенному высоким забором. Изредка выходить за ворота могли позволить себе лишь обладатели святого оружия. Торговля стала слишком рискованным и оттого невероятно дорогим делом, а на путешествие в соседний город могла сподвигнуть разве что крайняя нужда.

Никс лишь дважды бывал в долгой дороге. Впервые – четыре года назад, когда после обучения в столице его вместе с товарищами направили в Крайфорт пополнить ряды Истребителей. Никто из них не выбирал место службы. Они отправлялись туда, где были нужны, и чаще всего там и оставались до самой смерти. Во второй раз он покинул город совсем недавно – для секретной вылазки в аббатство Швайген.

Раньше Никс особо не думал о будущем. Он наслаждался настоящим, пока было можно, и теми привилегиями, которые получают Истребители в обмен на ежедневный риск. Он не хотел ничего другого, лишь бы жизнь не менялась слишком быстро. Но вот фаррахайцы развязали войну, кара покинула гробницу, и неизвестно, чего ждать дальше. Перемены уже начались, и что-то подсказывало, что спокойная жизнь теперь никому не светит.

Хриплый голос Мадмара выдернул его из задумчивости:

– Что это ты притих, а? Волнуешься, что гайстов встретим за воротами?

Никс выдал беззаботную усмешку.

– Наоборот. Руки чешутся замочить парочку тварей.

Мадмар хмыкнул, провел пятерней по коротким волосам цвета соли с перцем и проворчал:

– Не нравится мне все это. Я шел в Истребители с мыслью, что помогу избавить мир от темной сути. Но все, что мы делаем, – это защищаем каждый свой клочок земли и прячемся в страхе за стенами вместо того, чтобы собрать силы и начать планомерное уничтожение тварей.

Никс удивленно вскинул брови.

– Пла... чего? Ты уже почти старик, Мад. Какие походы, какие сражения? Сидеть бы тебе в кресле на террасе у яблоневого сада, неспешно попивая теплое молочко.

– Не оборзел, малец? – Мадмар отвесил Никсу шуточный подзатыльник, но потом вновь нахмурился. – В одном ты прав. Я старею. Вся жизнь провел за стенами в ожидании, что мы отвоюем подаренную Видящим землю при помощи святого оружия. Похоже, не дождусь.

Мадмар был одним из самых старших членов отряда, а Никс – из младших. Четыре года назад их поставили в двойку, и с тех пор они вместе ходили в патрули. В охоте на гайстов доверие не менее важно, чем мастерство. Иначе как сосредоточиться на битве, если переживать каждый миг, что напарник бросит тебя, испугавшись тварей?

– Брось ты, – легкомысленно отмахнулся Никс. – Чем плоха наша жизнь? Лучше потихоньку делать то, что нам по силам, а не кидаться в битву, которую не выиграть. Уже пытались

истребить гайстов, помнишь? Не вышло, хоть даже их было гораздо меньше, чем сейчас. Так называемое великое очищение от темной сути не продлилось и пары недель. Столько народу полегло. Пора смириться, что гайсты – такая же часть мира, как и мы.

– Господь не создавал их. Это сделал человек. А все, что создано руками человека, рано или поздно сгинет. Нужно только найти способ...

– Какой еще способ? Святоши и так жертвуют самым дорогим.

Протяжным вздохом Мадмар выразил согласие с последней фразой товарища. Бережно, любовно даже, погладил рукоять меча со знаком Видящего на крестовине и протянул:

– Вот так за чью-то тягу к мировому господству до сих пор расплачиваются все остальные. Еще и этот Ингольв со своей войной, будто бы мало нам бед... Чую, и за его алчность мы будем расплачиваться.

Война была самой популярной темой для разговоров в последние дни.

– Почему фаррахайцы вообще напали?

– Кто знает. Без объявления, без требований. Говорят, Ингольв даже в переговоры вступить не желает.

– Или *не* говорят. Может, кто-то просто не хочет, чтобы мы знали.

Мадмар только развел руками.

Они почти дошли до частокола. За его острыми зубьями уже не было видно деревьев – только низкие серые клубы облаков с редкими окнами света. По обеим сторонам дороги тянулись бурые и рыжие квадраты полей, с которых несколько недель назад убрали последний урожай. Теперь лишь стаи птиц копошились на них в поисках забытых зерен.

Тяжелые, укрепленные металлом ворота из толстых бревен открывали только в крайних случаях. Над ними высилась смотровая площадка, откуда дозорные следили за дорогой. И оттуда же во внешний мир спускалась лестница.

Поднявшись на крытую площадку, Никс кивком поприветствовал дозорного:

– Как оно?

– Все спокойно, – привычно отозвался солдат.

Уже несколько месяцев со стены не видели гайстов, и это не могло не настораживать.

Прежде чем снять лебедку со стопора, все трое внимательно оглядели пространство внизу. Сразу за частоколом начиналась широкая открытая полоса, очищенная от деревьев, кустарников и прочих возможных укрытий. Только торчали редкие трухлявые пни с наростами грибов. А дальше, через полсотни шагов, поднимался лес.

Снаружи было тихо. Дозорный схватился за ручку – скрипнула лебедка, и лестница, удерживаемая толстой веревкой, скользнула вниз и с глухим стуком достигла земли. Никс шутливо отсалютовал дозорному и спустился на ту сторону. За ним с кряхтением и хрустом в коленях полез Мадмар.

Первое, что следовало сделать сразу же, – обнажить оружие, пусть даже ни одной твари не было в поле зрения. Гайсты выскакивали неожиданно и подбирались бесшумно, так что осторожность, внимательность и лишняя секунда, которую не придется тратить на вытаскивание меча из ножен, могли спасти жизнь.

Святые мечи внешне не отличались от обычных, только на крестовине был изображен Глаз Видящего. Никс использовал в бою одноручный меч с двусторонней заточкой и лаконичной, чуть изогнутой гардой. Мад предпочитал более легкий вариант в паре с длинным перначом. Хоть пернач и не был святым, но мог раскроить твари череп или переломить хребет.

Не спеша и молча, внимательно приглядываясь к теням за деревьями, Истребители двинулись вдоль частокола. Серые, кое-где растрескавшиеся бревна были покрыты старыми и новыми бороздами – следами когтей. Гайсты постоянно пробовали частокол на прочность, чуя за ним такую желанную, но недостижимую добычу. Благо твари не могли высоко прыгать и не

обладали сверхъестественными силами, какие достались карам. Иначе для человечества все закончилось бы давным-давно.

Второе правило Истребителей – никогда не искать встречи с тварями. Поэтому в лес воины не ходили. Лучше уж биться на открытой местности, чем среди деревьев со множеством слепых зон. К тому же гайсты чуяли людей на большом расстоянии и, если шастали где-то поблизости, обязательно прибегали сами.

Неумолчный шум города остался далеко позади – внутри каменных стен, за пустыми полями, ожидающими озимой пшеницы. Слышались лишь редкие крики птиц. Никса такая тишина нервировала. Казалось, она предвестник чего-то дурного. Хорошо, что его предчувствия редко сбывались.

Но вдруг тишину пререзал резкий, царапающий звук. Никс замер, а миг спустя застыл и Мадмар. Переглянувшись, они перехватили мечи поудобнее и осторожно пошли вперед.

Трава шуршала под сапогами, слабо скрипела кожа португеи, соприкасаясь с ножами. Шаг. Еще шаг – тихий, насколько возможно.

Впереди частокол круто поворачивал влево. Пока не подойдешь – не увидишь, что за ним. Отрывистый хруст и скрежет доносились именно оттуда.

Еще несколько медленных, осторожных шагов: у гайстов отличный слух, невозможно подобраться к ним исподтишка.

Внезапно звуки за поворотом смолкли. Мадмар и Никс вновь обменялись быстрыми взглядами. Прятаться больше не имело смысла; они ускорили шаг, а потом побежали.

Из-за частокола показалась часть вырубki. И в то же мгновение длинными резкими прыжками, совсем не похожими на движения животного, навстречу воинам метнулась черная тень.

Темная суть исказила некогда живое тело: десятки лет гайсты пожирали друг друга, людей, зверей и все, что попадалось им на пути, изменяясь до неузнаваемости. Слипшаяся, покрытая слизью черная шерсть влажно блестела на солнце. Толстые мускулистые лапы оканчивались длинными загнутыми когтями. У хищника не было ни хвоста, ни торчащих ушей, зато зубастая пасть могла раскрываться невероятно широко. За несколькими рядами в беспорядке растущих зубов прятался длинный язык. А черные глаза, полные неутолимого голода и ненависти, почти сливались со шкурой.

Никс не раз сражался с гайстами и успел привыкнуть к их кошмарному виду. Однако сейчас, когда прямо на него несся этот громадный сгусток тьмы и клыков, его сердце ускорилося, а кишки предательски свело. Липкой от пота ладонью Никс крепко сжал рукоять меча, вес которого вдруг перестал ощущаться, и ринулся твари наперерез.

Гайст ощерился десятками зубов. Удивительно легко для твари подобного размера он на бегу оттолкнулся от пня, выбивая из него щепки, и отпрыгнул вбок, а потом рванул вперед. Резко сменив направление, гайст помчался на Мадмара так быстро, что секундная заминка вполне могла бы стоить Истребителю жизни.

Однако Мадмар был готов. Крутанувшись на пятках, он выставил перед собой меч, ожидая, что в прыжке хищник сам напорется на острие. Однако гайст скрежетнул когтями по металлу, придавливая клинок лапой к земле, и раскрыл пасть пошире, намереваясь одним махом откусить голову человеку. Мадмар в последний момент извернулся и рубанул тварь перначом, рассекая черную шкуру. Кровь брызнула на жухлую траву, затрещали ребра, а челюсти гайста с жутким клацаньем сомкнулись на пустоте.

Мадмар откатился в сторону и тут же вскочил. Гайст повернулся к нему, сверкая налитыми яростью глазами. Ростом он доходил Мадму до пояса, но был жилистым и крупным, к тому же ловким и почти непредсказуемым. Темная суть изменила повадки зверя, о первоначальном виде которого теперь можно было только догадываться, перемолола и собрала из них нечто новое, бесстрашное и хитрое.

Гайст пригнулся перед прыжком, но в этот момент Никс подскочил к нему и с размаху ударил мечом, надеясь перебить хребет. Хищник проворно вильнул в сторону. Из раззявленной пасти показался длинный черный язык, а через мгновение острые зубы щелкнули у самой ноги Никса.

Отпрянув, Никс с силой пнул тварь по морде, направил меч вниз и сделал выпад. Острие вонзилось в землю: гайст опять оказался быстрее. Мадмар напал на хищника сзади, не давая тому вновь кинуться в атаку. Святой клинок вспорол бедро и живот твари.

Никс успел улыбнуться: такая рана уже не затянется. И в эту секунду гайст прыгнул и навалился на него всей своей массой.

Упав на спину, Никс едва сумел прикрыться мечом, будто щитом. Острые зубы сомкнулись у самого носа, когти вонзились в доспех. Всунув клинок в смертоносную пасть, Никс до дрожи в мышцах напряг руку.

Заскрежетал металл: морда твари расползлась под натиском лезвия, обдавая Никса горячей кровью. Черный язык хлестнул его по щеке, оставляя кровавый отпечаток. Гайст замахнулся когтистой лапой, намереваясь вскрыть противнику горло, но тут подоспел Мадмар и воткнул меч твари в бок, прошивая мускулистое тело святым клинком насквозь.

Гайст задергался, отяжелел и обмяк. Никс, напрягшись, скинул его с себя. Дышать было тяжело, руки тряслись, но чувствовал он себя чертовски живым. Гораздо живее, чем вчера или на прошлой неделе. Вот они – мгновения настоящей жизни, когда смерть глядит тебе в глаза и невозможно угадать, чем это закончится.

Мадмар оставил пернач свободно болтаться в петле на запястье и протянул Никсу руку.

– Что, парень, хватку растерял за пару недель безделья?

Никс фыркнул.

– Зато ты, я смотрю, все еще в форме.

Пошатываясь, он поднялся на ноги и глянул на тварь. Неподвижная черная туша валялась на боку в примятой траве. Из сквозной раны вытекала кровь, распоротая пасть с вывалившимся языком тоже окрасилась красным.

– Повезло, что гайсты одиночки и не сбиваются в стаи, – хмуро сказал Мадмар и пнул носком сапога мертвое тело.

– Но как-то ведь они плодятся.

– Может, темная суть – как болезнь. Удручает, что мы так мало знаем о них, хоть и живем бок о бок сотню лет. И все из-за одного высокомерного ублюдка, который решил, что никого нет выше него.

Мадмар резким движением стряхнул с клинка алые капли. Вслед за ними в траву полетел презрительный плевок.

– Кажется, именно Жатва потом убила и сожрала алхимика Хатрифа?

– Поделом.

Истребители двинулись дальше, оставив мертвого гайста позади. Следовало завершить обход и осмотреть частокол – не поврежден ли. Все же именно крепкие оборонные сооружения были гарантом выживания в мире, населенном вечно голодными тварями, для которых человечинка – лучший деликатес.

Несколько десятков шагов спустя они увидели странное. Одно из бревен оказалось настолько сильно погрызено и расцарапано, что в дереве образовалась приличная выемка. Никс и Мадмар озадаченно переглянулись: прежде им не приходилось видеть подобного.

– Что это они – поумнели? – Мадмар провел огрубевшими пальцами по измочаленному бревну. Оно топорщилось множеством размоченных слюной волокон.

– Дело дрянь. Придется заменить.

Никс снял прикрепленную к поясу красную веревку, расправил широкую петлю и закинул на вершину поврежденного бревна – отметка, чтобы и с той стороны было видно. После

обернулся к лесу – с его тенями, вечными шорохами и тайнами. Никс не мог избавиться от ощущения, что из глубины чащи за ними кто-то наблюдает.

5

Все время после обеда и до самого вечера послушницы проводили за переписыванием Послания. Каждая из них до посвящения должна была завершить тридцать пять экземпляров – полностью оформленных, без помарок и пятен. Распространение Послания тоже было частью аскезы. Кропотливый труд требовал полной сосредоточенности и твердой руки, но Мирт не доставало ни того ни другого.

Читать и писать ее научили здесь, в аббатстве. Многие часы послушницы проводили за копированием принятого Церковью шрифта, и теперь экземпляры Послания, выходящие из-под их перьев, имели лишь незначительные различия. Сестер обучали всему, что необходимо для изготовления книг. Мирт знала, под каким углом обрезать гусиное перо, как изготовить чернила из дубовых галлов, коры и железных гвоздей, как сварить клей, чтобы сделать обложку из нескольких слоев льняной ткани, которая при высыхании становится твердой. Иногда в монастырь привозили куски кожи, из которых получались богатые обложки. Такое Послание уже не каждый мог себе позволить.

Мирт никогда не доверяли облачать ее образцы Послания в кожу. Хоть она и прикладывала невероятные усилия, старательно и медленно выводила каждую букву, но подавить дрожь в руках была не способна. Линии у нее выходили неуверенные, и старшая монахиня Лакифа при проверке обязательно находила лишний завиток или утолщение там, где его быть не должно.

Эти мелкие недочеты снова возвращали Мирт к мыслям, что такому бесполезному существу, как она, не место среди усердных послушниц, каждая из которых выводила идеальные, словно самим Господом написанные, буквы.

Мирт нависла над желтоватым листом бумаги, заполненным до половины бурными буквами. Залу тускло освещали свечи, расставленные по центру длинного стола, за которым друг напротив друга сидели послушницы. Пламя еле заметно дрожало от дыхания сестер, тихонько потрескивали фитильки, скрипели перья. Иногда какая-нибудь из девушек с хрустом расправляла плечи и разминала затекшую шею, но больше ничто не нарушало тишину в эти несколько часов.

Мирт подходила к концу листа и уже успела порадоваться, что не допустила ни одной помарки, как вдруг залу огласил скрежет стула по каменному полу. Она неизбежно вздрогнула и резко втянула воздух, а ее перо оставило длинный росчерк на пол-листа. Послушницы подняли головы и поглядели сначала на возмутительницу спокойствия, потом на Мирт. На лицах одних она прочитала молчаливое сожаление о безвозвратно испорченной работе, на других – недоумение. Старшая сестра Карисса с осуждением поджала губы. И хоть неясно было, на кого оно направлено, Мирт тут же решила, что на нее.

– Прощу прощения, – тихо пробормотала скрежетнувшая стулом сестра, мазнув взглядом по испорченному листу, после чего устроилась поудобнее и вновь склонилась над работой.

Прикрыв глаза, Мирт длинно и тихо выдохнула, едва сдержавшись, чтобы не застонать от разочарования, убрала лист и вытасила новый. К тому времени как прозвенел колокол, возвещающий о скором начале вечерней трапезы, готовых листов Послания у нее скопилось до обидного мало. Некоторые из послушниц, что поступили в монастырь позже Мирт, уже завершили свои тридцать пять книг с божественными заповедями и основными молитвами. Она же пока трудилась над тридцать четвертой. Это не могло не огорчать.

Послушницы задвигали стульями, спешно привели в порядок рабочие места, потушили свечи и потянулись к выходу. Мирт, как обычно, шла позади. Она повертела кистью руки, разминая ноющее запястье, помассировала опухший сустав среднего пальца. Мысли ее все еще

были обращены к катастрофической неуспеваемости, так что она не сразу заметила, что кто-то идет с ней рядом.

Мирт повернула голову, и сердце тут же кольнуло от нехорошего предчувствия, которое возникало всякий раз при взгляде на эти сжатые в тонкую полоску губы.

– Что с тобой такое, сестра? – без эмоций произнесла Карисса. Однако Мирт была уверена, что та осуждает ее за недавнее, поэтому вжала голову в плечи и испуганно пролепетала:

– Прости, сестра. Я не достойна милости Божией.

Эти слова давно превратились в мантру.

– Каждый достоин, кто верует и служит, – откликнулась Карисса. – Но не уваливай. Я ведь вижу. Все видят.

Под ее строгим изучающим взглядом Мирт всегда чувствовала себя неуютно и оттого предпочитала глядеть под ноги.

– М-м?..

– Ты и прежде была излишне дерганой и недостаточно внимательной, – безапелляционно отчеканила сестра, – но ныне твою рассеянность уже не спишешь на случай. За два года ты должна была привыкнуть к здешним порядкам, к окружению и своим сестрам, но ты по-прежнему будто чего-то боишься.

Мирт вскинула на Кариссу растерянный, беспомощный взгляд.

Они уже спустились по лестнице и теперь шли к трапезной по длинному коридору, освещенному редкими чадающими факелами. Пламя колыхалось на сквозняке, а за открытыми вытянутыми окнами виднелось подкрашенное гаснущим закатом небо.

Карисса шумно вздохнула, поморщилась и тихо, чтобы не услышали остальные, спросила:

– Тебя часто били, да?

В ответ Мирт лишь хлопнула светлыми ресницами, ошарашенная как догадкой сестры, так и тем, что та решила поднять тему прошлого. Карисса, видно, тоже чувствовала себя неуютно. Она мельком взглянула на Мирт, отвела глаза и провела ладонью по безукоризненно выбритому черепу.

– Что ж, об этом в первую очередь можно подумать, глядя на то, как ты шарахаешься ото всех. Но мы тебе не враги. Никто из нас. Мы сестры. И делаем одно дело – служим Господу по мере своих сил. Ты ведь тоже за этим сюда пришла.

– Да, я знаю, – выдавила Мирт, не понимая, к чему клонит Карисса.

– Но это ведь не единственная проблема, так? Твое прошлое. Потому я и спрашиваю: что с тобой происходит? Расскажи, и я постараюсь помочь.

– Благодарю, сестра. Нет ничего такого, с чем мне требуется помощь.

Карисса прищурилась и снова в молчаливом осуждении поджала губы.

– Ты ведь не дура, прости, Господи, грубость мою. Почему же ведешь себя, как... Твои рассеянность и медлительность немало досаждают остальным сестрам. Пойми, что каждый слаб в одиночку, но вместе мы скорее достигнем заветной цели.

Сестра Карисса взглянула на нее многозначительно. Может, ожидала какого-то ответа. Но у Мирт по-прежнему стоял в голове туман, и она не смогла придумать ничего лучше, чем просто кивнуть в надежде, что старшей этого будет достаточно.

Шагая рядом в хвосте группы, они вошли сквозь распахнутые двери в просторную трапезную. Лишь один из столов был накрыт к ужину. Остальные пустовали, напоминая о былых временах, когда обитателей в аббатстве насчитывалось в разы больше.

Скромный ужин состоял из жидкой овощной похлебки и кусочка утреннего хлеба. Несмотря на то что монастырская пища не отличалась разнообразием, а монахини и послушницы придерживались строгого поста с самого появления здесь, это все равно было лучше жалких объедков, которые мать не особенно регулярно удосуживалась оставлять для Мирт.

Завершился день очередной молитвой на тридцать пять бусин и тщетными попытками заснуть.

* * *

Мирт лежала на жесткой койке, глядела в потолок и думала. Когда ворочаешься с боку на бок несколько часов подряд в ожидании сна, ничего другого и не остается, кроме как размышлять о прошлом и будущем.

Удивительно, но в прежние времена, когда она была всего лишь грязной оборванкой, до которой никому нет дела, спалось ей куда спокойнее. Нередко она ночевала на чужих сеновалах, если отец становился особенно невыносим и страшно было попадаться ему на глаза. Мирт знала каждый заброшенный подвал крохотного городка Мидфри, за пределы которого ни разу не выбиралась. Знала, что можно заночевать в конюшне в обнимку с новорожденными жеребятами или в коровнике, если утром улизнуть оттуда до первой дойки. Иногда она забредала на соседскую псарню, где можно было согреться, зарывшись в сено в окружении жмущихся друг к дружке собак.

В любую из этих ночей она могла заснуть. Наверное, в те времена груз ответственности не так сильно давил на плечи, а смерть представлялась чем-то далеким и туманным. Она ни во что не верила и ничего не желала, занятая лишь размышлениями о том, где бы раздобыть еды. Но теперь, когда ей показали, что мир значительно больше грязного, занюханного городка и что жизнь человеческая – даже ее, Мирт, жалкая жизнь – может чего-то стоить, вина постоянно преследовала ее. Вина за прошлое и за то, кто она есть. И страх, что скоро все хорошее закончится.

Такие мысли неизменно крутились по ночам в ее гудящей и тяжелой от недосыпа голове. А еще мысли о том, что будет, если ее душа так и не превратится в оружие.

Как проходит ритуал? Можно ли понять заранее, достаточно ли Мирт очистилась от скверны мирской, чтобы Видящий принял ее жертву? И самый главный вопрос: примет ли Господь душу, что отдана не из желания помочь в борьбе с темной сутью, а от безысходности?

Мирт вдруг осознала, что теперь посвящение кажется уже не таким пугающим. Будто бы что-то изменилось после рассказа Юны. Мирт ни разу в жизни не видела гайстов, а наполовину выдуманные истории других детей или пьяная похвальба очевидцев ничего не значили для нее. Но Юна точно знала, о чем говорит. Может, чужая боль и чужая трагедия помогут принять будущее?

«Нужно будет расспросить остальных», – решила Мирт, ерзая под колючим одеялом и пытаясь устроиться поудобнее.

Прошла, наверное, уже половина ночи. Сложно оценить время, когда минуты тянутся бесконечно долго. Когда кажется, что уже вот-вот накроет сон, но он, будто в насмешку, все ускользает, отдаляется, доводя до отчаяния. Иногда Мирт хотелось плакать от дикого желания поспать и невозможности уснуть. Но чаще она просто лежала и ждала, смирившись, что ничего уже не изменится.

Ночь выдалась на удивление тихая. Ветер по-прежнему шумел за окнами сухими ветками и остатками листвы, которую гонял по каменным дорожкам. Сломанная задвижка на створке пока держалась. И Мирт даже не особенно переживала, что сон не идет, потому что хотя бы полежать в тишине без вздрагиваний из-за резких звуков уже было благом. Но вскоре мысли об отдыхе вытеснило понимание, что придется все-таки вставать и тащиться по холоду в темноте к отхожему месту, которое находилось далеко от кирхи.

Мирт поворочалась в постели еще немного, а потом со вздохом разочарования поднялась, нащарила обувь под койкой, завернулась в одеяло и побрела к выходу.

Благодаря подошвам из мягкого войлока шаги ее были почти бесшумными, и ничто не тревожило ночного спокойствия монастыря, но по оставшейся с давних времен привычке Мирт ступала осторожно, вглядывалась в зияющие чернотой боковые проходы и слушала шорохи. Темноты она не боялась: давно к ней привыкла, да и путь по знакомым коридорам могла бы преодолеть даже с закрытыми глазами. Однако ощущение невнятной тревоги не покидало ее.

Наконец в конце коридора она нащупала дверь. Засов почему-то оказался отодвинут, хотя запирает все двери на ночь было строгим правилом аббатства. Мирт осторожно выскользнула наружу. Холодный воздух тут же забрался под тонкое одеяло, заставляя волоски на коже встать дыбом.

Мирт зябко повела плечами и вдруг заметила отсветы тусклого пламени, падающие на брусчатку. За углом арки кто-то стоял.

Она замерла и прислушалась. Сквозь шелест ветра можно было различить какую-то возню и тихий звон металла. Собрав волю в кулак, Мирт подобралась к самому углу, затаила дыхание и выглянула.

В нескольких шагах от нее стояла мать Лакифа со свечой в руке. Пламя выхватывало из ночного мрака ежик седых волос, острые, обтянутые кожей скулы, морщины у губ и носа. С легким прищуром монахиня наблюдала за мужчиной в темных одеждах. Мирт впервые видела его, но, судя по всему, он не имел никакого отношения к Церкви.

Мужчина прятал в большую седельную сумку обернутые тряпицей мечи. На крестовинах был изображен круг с широко раскрытым глазом внутри – символ Церкви Видящего, который ставят только на святом оружии.

По телу Мирт прокатилась волна ледяных мурашек. Глаза ее расширились от изумления и пришедшего на ум смутного подозрения, тревожно забилося сердце. Она снова спряталась, пару мгновений судорожно соображала, как поступить, и тихо, на цыпочках, скользнула в противоположную от монахини и ночного гостя сторону. Мирт укрылась за выступающим краем арки в надежде, что когда Лакифа будет возвращаться, то не заметит ее. Просто так уйти и не узнать, в чем дело, она не могла.

Когда звуки возни прекратились, Мирт услышала звон монет, приглушенный мешковиной.

– От лица моего господина выражаю вам благодарность, – произнес мужчина хрипловатым низким голосом. – Как скоро вы сможете выделить еще хотя бы пару клинков?

– А вам все мало? – усмехнулась мать Лакифа.

– Непокойные времена, сами знаете, – буднично откликнулся незнакомец, будто речь шла не о святом оружии, а о мешках с зерном. – Мы лишь хотим обеспечить себе комфортную жизнь без страха перед тварями и без нужды полагаться на чужую помощь. Вы ведь тоже этого хотите, не так ли?

– Умерьте аппетиты, иначе к нам возникнут вопросы. Один или два меча можно утаить, списав на неудачный ритуал, но если Истребители недосчитаются половины положенных им клинков...

– Вознаграждение вполне соответствует рискам. Итак?

Послышался длинный вздох.

– Посвящение только через две недели. Понадобится время и для проведения прочих ритуалов.

– А нельзя ли как-то ускорить процесс? Скажем, готовить послушниц не два года, а год? Господин готов щедро заплатить вам за поиски новых путей.

– Мы и без того выдерживаем минимально короткий срок, – сухо заметила мать Лакифа.

– Жаль, жаль. Остается надеяться, что в следующий раз желающих будет больше.

– Увеличьте вознаграждение семьям – и желающие потекут рекой. Родители куда охотнее расстанутся с детьми за звонкую монету, а не за идею.

– Я непременно озвучу ваше предложение господину.

Звуки удаляющихся шагов возвестили о завершении разговора. Мирт вжалась в стену и затаила дыхание.

Раздался глухой стук копыт и шелест шагов монахини. Крохотный огонек свечи ненадолго осветил пространство напротив двери, но до угла Мирт не достал. Лакифа даже не стала осматриваться. Дверь слабо скрипнула и закрылась за ее спиной, скрежетнул засов.

Мирт так и осталась стоять, дрожа то ли от холода, то ли от услышанного. Ей казалось, что если она отлипнет от стены, то непременно рухнет на землю из-за слабости в коленях. Сырой воздух охлаждал лицо и голые ноги. Сквозь гул в ушах Мирт слышала чей-то слабый всхлип и поняла, что это ее собственный.

Сначала пришло возмущение: торговать святыми мечами и чужими душами – вопиющее кощунство! Следом нагрянул страх.

Что теперь делать?

В голове царила полнейшая неразбериха. Как долго это продолжается? Каждый год в аббатство приходят девушки, чтобы стать послушницами. Мирт знала тех, кто прошел посвящение до нее. Их души уже давно должны были защищать людей от гайстов. Но если неизвестный явился за клинками только сейчас, означает ли это, что Лакифа заранее скрыла несколько мечей, намереваясь продать их в будущем?

Пришлось долго восстанавливать дыхание и ждать, пока ноющее сердце перестанет выпрыгивать из груди. Немного успокоившись, Мирт добрела до отхожего места и вернулась, вздрагивая чаще обычного от малейшего шороха и криков ночной птицы. В каком-то отупении она подергала дверь, которая, разумеется, оказалась заперта изнутри.

Крадучись и постоянно оглядываясь, Мирт обошла крыло монастыря в поисках окна с разболтанной щеколдой. Цоколь слегка выступал над землей. Она забралась на него, зацепилась пальцами за оконный проем и подергала ставню в попытке расшатать задвижку. Та поддалась, створки со скрипом разошлись в стороны. Мирт с трудом подтянулась на руках и протиснулась внутрь, мысленно возблагодарив Господа за свое худощавое тельце.

Заснуть в эту ночь она так и не смогла.

6

Скрестив руки на груди, Веллан хмуро глядел с верхней галереи крепостной стены на ленту пыльной дороги, частично скрытую деревьями. Настроение у него было паршивое.

С раннего утра Крайфорт стоял на ушах в предвкушении прибытия кронпринца Эммериха, которого ожидали «с минуты на минуту» вот уже битых четыре часа. Конечно, народ всполошился куда раньше – еще два дня назад, как только весть о скором визите его высочества разлетелась по городу. Бургомистр немедленно отдал приказ вывесить флаги над воротами крепости и убрать с площади перед ратушей мусор и бездомных. Населению приказали выстроиться вдоль главной улицы – от ворот и до ратуши. И вот горожане с рассвета занимали места, зябко ежась от холодного осеннего ветра и промозглого тумана, чтобы в нужный момент прокричать «ура!», пока кронпринц проезжает мимо с высокомерной рожей. Их возбужденное гудение, едва слышимое за свистом ветра, раздавалось сейчас за спиной Веллана, мечтавшего, чтобы этот балаган поскорее закончился.

Он терпеть не мог наследного принца. Они познакомились давно, еще в военной академии Дертбурга, где Веллан овладевал мастерством Истребителя. Преподаватели делали вид, что Эммерих обучается наравне с остальными, но на деле до усрачки боялись его папаша, а потому давали кронпринцу поблажки и закрывали глаза на его выходки. Остальным же прилетало по полной за малейший проступок. Эммерих, осознавая плюсы своего положения, быстро подминал под себя учеников, заставляя тех лизоблюдствовать. И, разумеется, больше всех доставалось не отпрыскам аристократов, а сыновьям министерялов вроде Веллана, что пытались трудом, а не именем пробить себе дорогу.

И вот теперь этот засранец направляется в Крайфорт. Конечно же, это не простой визит вежливости. Наверняка кронпринц узнал о каре и решил убедиться, что Веллан не планирует совершить государственный переворот после триумфального возвращения из освобожденного Тайфри.

Дверь в башне скрипнула, оторвав Веллана от мрачных дум. Рядом появился Никс с извечной ухмылкой на губах. В обычное время парень ему нравился: тот тоже вышел из низов и всего добивался сам. Но иногда эта его улыбочка знатно бесила. Даже спустя четыре года совместной службы Веллан не всегда понимал, искренен Никс или просто издевается.

– Командир! – Никс расслабленно отсалютовал, оперся плечом о зубец стены и кинул взгляд на дорогу за частоколом. – Как знал, что ты здесь.

– Новости? – холодно бросил Веллан, раздраженный тем, что вечно кому-то нужен.

– Ага. Сегодняшний обход прошел гладко, но стало понятно, что гайсты продолжают грызть частокол. Мы-то думали, одного отпугнем – и все на этом. Но, похоже, другая тварь решила закончить работу первой. Бревно сильно повреждено, о чем мы доложили бургомистру. Тот приказал вызвать плотников, но только после торжественного парада.

– Он должен был отдать приказ о замене бревна еще вчера, – проворчал Веллан, безуспешно пытаясь скрыть недовольство.

На это Никс развел руками:

– Да, но решил посвятить время подготовке к приезду кронпринца. А плотники латают сейчас прогнившую еще три месяца назад крышу седьмой башни.

– Из-за таких тупоголовых кретинов потом вымирают города.

Никс вскинул брови и участливо поинтересовался:

– Что случилось, Вел? Вижу, настроение у тебя не очень.

Вдалеке, в просвете между бурыми ветвями и темной хвоей, показались первые всадники с гордо вскинутыми штандартами. Веллан дернул подбородком в их сторону и мрачно выплюнул:

– Это.

За знаменосцами тянулись рыцари в доспехах и сюрко, расшитых в цвета королевской семьи. С такого расстояния невозможно было разглядеть герб, но всякий знал, что на нем на фоне золотой башни изображен красный медведь в короне и с мечом. Следующими по узкой лесной дороге ехали латники, а между ними – всадники без доспехов. Эммерих наверняка среди них: кронпринц предпочитал путешествовать верхом, чтобы все видели, какой он бесстрашный. Далее снова скакали рыцари, после шли копейщики и мечники. Замыкали процессию повозки и несколько Истребителей. Колонна растянулась настолько, что, когда знаменосцы подошли к воротам, хвост ее еще терялся среди деревьев.

Никс присвистнул:

– Да тут прорва народу! Надеюсь, они поставят палатки под стеной, а не попрутся выселять нас из казарм.

Веллан скривился в молчаливом презрении, наблюдая, как ползут вверх тяжелые решетки ворот. Королевский двор неделю не мог собрать войско, чтобы попытаться отбить Тайффри, но стоило запахнуть жареным, как при полном параде примчалась полноценная армия.

В этом угадывался план Эммериха: перехватить инициативу, пока Веллан не сделал первый шаг. Что ж, это даже на руку: теперь не нужно ехать в Дертбург и выпрашивать аудиенцию у его королевского величества. Возможно, будущее страны решится уже сегодня.

Тем временем над полями разнесся торжественный сигнал рога.

* * *

Крохотную главную площадь окружали тесно прижатые друг к другу дома со сквозными арками проходов или узкими расщелинами улочек, где даже двоим сложно было разойтись свободно. Чуть дальше над островерхими крышами и фигурными фронтонами высился шпиль кирхи со сверкающим в лучах тусклого осеннего солнца Даром Видящего. Площадь и большинство улиц были вымощены брусчаткой – такой же старой, как и здания вокруг. От окон к земле тянулись черные потеки, а стены постепенно пожирал мелкий зеленоватый мох и вездесущий лишайник. Город мог лишь поддерживать то, что было построено прежде, в более благополучную эпоху, но время неминуемо брало свое.

Площадь была забита народом настолько, что для прохода кронпринца остался лишь узкий коридор. С обеих его сторон выстроились Истребители в парадных черных бригантинах и городские стражники в кольчугах и черно-зеленых сюрко. За их спинами теснились горожане, выкрикивая каждый на свой лад имя кронпринца.

Сотни рук взметнулись вверх, как только Эммерих ступил на площадь. С поднятой в ответном приветствии рукой он горделиво восседал на черном мерине, неторопливо шествуя за спинами своих знаменосцев, чтобы дать народу время хорошенько рассмотреть королевский профиль. На кронпринце был красный с золотом камзол и черная шаубе с пышным белым воротником. Что и говорить, смотрелся Эммерих эффектно, и даже те, кто не знал его в лицо, безошибочно могли бы признать в нем наследного принца.

Веллан ждал его приближения перед ступенями ратуши вместе с командиром городской стражи, бургомистром и членами магистрата. Пришлось вырядиться в камзол с неудобным длинным плащом и нацепить в дополнение к святому мечу еще и парадную рапиру, как того требовал этикет.

Со смесью любопытства и неприязни Веллан следил, как Эммерих молча приветствует толпу и изредка кивает с благостным видом, будто признателен всем, кто пришел встретить его.

Кронпринц сильно изменился с последней их встречи. Противный высокомерный юнец превратился в привлекательного мужчину с безукоризненной осанкой, покровительственной

улыбкой и легким прищуром светло-серых глаз. Медные волосы, зачесанные назад, блестели маслом, и ни одна прядь не выбилась за время пути. Видно было, что на теле его нет ни капли праздного жирка, а широкие плечи и сильные руки говорили о том, что Эммерих не забросил тренировки с оружием. Впрочем, Веллан не стал тешить себя надеждой, что высочество оставил свой скверный характер в прошлом.

Наконец кронпринц грациозно спрыгнул на брусчатку и оглядел вытянувшихся перед ним в струнку главных людей города.

– Рады приветствовать в Крайфорте, ваше высочество! – согнулся в поклоне бургомистр, облаченный в бобровую шаубе, которая сейчас смотрелась невероятно жалко по сравнению с одеждами наследника престола. – Великая честь – принимать вас в нашем скромном городе. Мы постараемся сделать все, чтобы вы чувствовали себя комфортно и ни в чем не нуждались!

– Благодарю, бургомистр Флик, – улыбнулся Эммерих.

Следом кронпринц обменялся любезностями с представителями магистрата и только потом остановился напротив Веллана.

– Ваше высочество! – Веллан коротко поклонился.

Кронпринц хлопнул его по плечу.

– Веллан, старый друг! Да ты возмужал с нашей прошлой встречи. Кто бы мог подумать, что сын простого дворцового стражника поднимется до командира Истребителей! Я рад за тебя, дружище!

В словах принца не было даже намека на издевку, лишь дружелюбие, однако Веллан не сомневался, что тот специально выбрал именно такие формулировки.

– Благодарю. – Улыбаться в ответ Веллан не стал даже из вежливости.

– Смотрю, все такой же неразговорчивый, как во времена военной академии. А вот шрамы новые. Откуда они? Впрочем, у нас будет много времени на разговоры, а сейчас мне хотелось бы промочить горло и отдохнуть после долгой дороги.

– Конечно, ваше высочество! – с готовностью откликнулся бургомистр. – Прошу в главный зал. Для вас и ваших людей мы приготовили лучшую еду и напитки!

Он посторонился, пропуская кронпринца к серому зданию ратуши с массивной аркой двери и стрельчатыми окнами, между которыми дрожало на осеннем ветру полотно с гербом Крайфорта – черный дуб на зеленом фоне.

Только Веллан собрался присоединиться к своим людям, как крепкая ладонь сжала его плечо. Все с той же покровительственной улыбкой Эммерих проговорил:

– Жду и тебя за столом. Столько новостей накопилось за эти годы, и мне не терпится их услышать. Истребители тоже пусть приходят. Поднимем кубки за наших защитников!

* * *

Просторный главный зал ратуши наполнился ароматами, лязгом посуды и чавканьем. Глаза разбегались от разнообразия блюд, многие из которых даже бургомистр мог позволить себе разве что по праздникам.

Эммерих из личной прихоти посадил Веллана недалеко от себя и так часто бросал на него изучающие взгляды, что тому кусок не лез в горло.

Пока присутствующие соревновались друг с другом в подхалимстве и пытались по-всякому выклянчить расположение кронпринца, Веллан потягивал вино из глиняной чаши и пытался не кривиться от презрения к ним.

Вино было хорошим и крепким. Не сравнить с теми водянистыми помоями, что выдавал Истребителям город. Ту бурду можно было стерпеть, только приправив специями и медом, чтобы отбить неприятный душок и добавить немного вкуса. Бургомистр не поскупился на уго-

щения для кронпринца, наверняка выделив их из личных запасов. Потом он, конечно, вычтет из казны затраты на пир и сможет забить погреба еще большим количеством припасов.

В полутемном зале, который не могли осветить даже десяток чадящих факелов, царили прохлада и сырость. Каменные стены кое-где покрылись слизью и плесенью, которая расплзалась из углов и по потолку черными въедливыми кляксами. Однако до плесени неровный свет факелов не дотягивался, а у сидящих за столами были и более интересные дела, нежели разглядывать стены.

Кронпринц Эммерих вкушал вино из серебряного кубка. Тоже наверняка личное имущество бургомистра, потому что другие почетные гости пили из самых обычных чарок и ели захваченными с собой вилками. Остальным же достались глиняные чаши и хорошо если один нож на двоих.

Однако отсутствие вилок никому не мешало набивать брюхо бесплатной едой. С неодобрением Веллан поглядывал на своих Истребителей, которые так накинулись на угощения, будто неделю ничего не ели. И это притом, что им достается гораздо лучший паек, чем доброй половине горожан. По рукам резво гуляли кувшины с вином и яблочным сидром, слуги только и успевали их наполнять. На столах стояли котелки с похлебкой, миски с кислой капустой, блюда с пирогами, сочащимися жиром колбасками и жаренной на вертеле птицей.

Наверняка сейчас тем, кто попал сюда, черной завистью завидуют Истребители, которых отрядили-таки вместе с плотниками за частокол. Веллан же предпочел бы отправиться с ними, а не слушать хвастливые истории одного засранца и льстивое блеяние его прихлебателей.

С двух сторон от стола, где вместе с кронпринцем сидели бургомистр, Веллан и несколько лордов, размещались два стола подлиннее. За одним из них, толкаясь локтями, налегали на еду местные, за другим – свита Эммериха, включая его Истребителей. С неприкрытым пренебрежением столичные борцы с темной сутью разглядывали крайфортских, будто служба в Дертбурге давала какие-то преимущества. Веллан терпеть не мог таких воинов и это их показное высокомерие, которое, впрочем, не замечаешь, когда сам растешь и живешь в столице.

Веллан размышлял, под каким бы предлогом покинуть ратушу, когда Эммерих, словно почувствовав это, обернулся:

– А ты что думаешь, Вел?

– Хм-м? – совершенно не боясь показаться невежливым, протянул Веллан. Он давно перестал слушать рассказы кронпринца.

Эммерих если и оскорбился таким невниманием, то виду не подал. Легкая покровительственная усмешка не сходила с его губ.

– Тебе с нами скучно, капитан?

Веллан решил воспользоваться шансом сбежать:

– У меня есть неотложные дела. Разрешите откланяться, ваше высочество.

Эммерих насмешливо вздернул бровь.

– Дела никуда не денутся, в отличие от моего доброго расположения. К тому же ты обещал рассказать, откуда взялись твои шрамы. Итак?

– Гайсты. В патрулях за стеной, – коротко бросил Веллан.

Принц сощурил внимательные серые глаза.

– Что-то ты не больно разговорчив. Все еще таишь детские обиды?

– Не стоит принимать на свой счет.

– Славно! – Эммерих не спеша обвел взглядом собравшихся, будто обращался к каждому из них, и пояснил: – Мы с командиром Родеганом знакомы давно, с военной академии. То было самое беззаботное время в моей жизни.

Он улыбнулся шире, и остальные сосредоточенно закивали, будто им и правда было интересно слушать эту историю.

– Мы были юнцами – горячая кровь и сплошные шалости на уме, – продолжил Эммерих. – Помню, как я воровал праздничное вино из кладовой. За ночь мы выпивали его, и на занятиях приходилось из кожи вон лезть, чтобы казаться трезвыми.

«А кувшины ты прятал под койку какого-нибудь бедолаги, который потом отхватывал за это плетей», – подумал Веллан. За воровство могли исключить, особенно тех, кто победнее. Юный принц знал об этом, но раз за разом подставлял учеников, которые оказались ему неуютны.

Понимающие смешки полетели с обеих сторон.

– А однажды я подрезал повод лошади, и тот на скаку лопнул. Парень, всадник, долго не мог остановиться и едва удержался в седле.

Это было во время показательных выступлений на площади, полной народу. Лошадь врезалась в толпу, и чудом никто серьезно не пострадал. Разве что самолюбие того парня.

Веллан и сам едва сдержался, чтобы не усмехнуться. А Эммерих с самозабвением продолжал рассказывать:

– Сейчас и не скажешь, но я был тем еще сорванцом! Учителя не могли найти на меня управу. Шутил над всеми подряд. И Родегану тоже доставалось. – Кронпринц в упор глянул на командира. – Помнишь, как я вымазал твою форму лошадиным дерьмом прямо перед парадом? Смеху было! Но, надеюсь, все обиды остались в прошлом?

Тогда это казалось ужасно оскорбительным, но теперь, годы спустя, просто глупым.

Веллан приподнял уголок рта в холодной полуулыбке, заставив дернуться перечеркивающий губы шрам.

– Разумеется, ведь я и сам в те годы творил глупости, о которых сейчас вспоминать стыдно. – И он произнес то, что не рискнул бы никто другой: – Помнится, однажды столкнул вас в нужник.

Льстивые улыбки резко сошли с лиц присутствующих. Во внезапно наступившей тишине кто-то скрежетнул по тарелке ножом, а кто-то тихо охнул.

Эммерих хмыкнул – он явно не ожидал, что Веллан отважится на подобное, – а затем медленно протянул:

– Да-а, было дело. Твоему отцу потом отрубили руку, а тебя высекли.

– Вполне заслуженно, – невозмутимо откликнулся Веллан.

И отцовская рука, и каждый миг жгучей боли в рассеченной до мяса спине после тридцати ударов плетью стоили выражения ужаса и позора на измазанном жидким дерьмом королевском лице.

Эммерих смешком разбавил напряженную тишину, что все еще висела в зале.

– А ты молодец, не теряешь хватку. Всегда был упертым и бесстрашным. Не боялся ни бога, ни гайстов, ни власти королевской. Такой сам себе хозяин. Вот и контракта с карой не побоялся. – Кронпринц развел руками, в одной из которых держал кубок. – Итак, где же гвоздь нашего вечера? Мы все жаждем увидеть самую опасную в мире тварь, которую великому капитану Родегану удалось посадить на цепь!

Иного не стоило и ожидать. Это было типично для Эммериха – смеяться над опасностями, да так, чтобы это видели все.

– Плохая идея, – вяло предостерег Веллан, но в ответ получил лишь очередную усмешку.

– Брось, что может случиться! Ты ведь уже научился управлять ею, верно?

Вот же ублюдок.

– Она знает команды, но я бы не стал выпускать ее из-под замка ради потехи.

– Ты, как всегда, зануда. Давай, показывай наше главное оружие против Фарраха.

Эммерих взмахнул рукой и сосредоточился на вине в серебряном кубке, показывая, что бессмысленный спор ему надоел.

Под десятками взглядов, выражающих любопытство, настороженность или страх, Веллан отправился исполнять приказ кронпринца.

* * *

Жидкие лучи солнца падали теплыми полосами на лицо Жатвы. Неподвижно, как хищник, выслеживающий добычу, она сидела напротив узкого окна, прижав колени к груди. Ленивые островки облаков бесконечно плыли по бледному небу, роняли тени на бурые поля и изумрудные шапки сосен. Это не могло надоест.

За два дня Жатва изучила все, что ей было доступно. Редкие фигурки людей, редких крохотных птиц. Редкие звезды, что по большей части прятались за облаками. Мир, который мог бы ей принадлежать. Должен был. Однако она, словно некое извращенное воплощение Видящего, могла лишь наблюдать и, прямо как этот человеческий бог, не могла больше ничего.

Что ж, Жатва была терпелива. Терпеть и ждать она умела лучше всего.

Когда на лестнице послышались уверенные шаги, она тут же забыла про облака и птиц и вся обратилась в слух. Внутри зашевелились никогда не угасающие жажда и предвкушение – чего именно, она не знала. Просто до смерти хотелось хоть чего-нибудь новенького в этом проклятом однообразии.

Ключ повернулся в замочной скважине, длинно скрипнула тяжелая дверь на ржавых от сырости петлях. Жатва откинула голову назад, чтобы поглядеть на неожиданного посетителя. Обнажила острые зубы в улыбке, которая неизменно вызывала страх на лицах людей. Ей нравился страх.

В темноте дверного проема стоял хозяин с тряпичным свертком в руках. Его каменное лицо не выражало ничего, и сейчас кару это скорее сердило.

– Вставай, – сухо велел он.

Жатва немедленно сползла со стула.

– Куда мы идем?

Он бросил ей сверток и приказал:

– Надень и заткнись. На улице смотри под ноги и не отходи от меня ни на шаг.

Кара тихо зашипела сквозь зубы, выражая протест, однако повиновалась. Сверток оказался бурым плащом с глубоким капюшоном и прорезями для рук – таким длинным, что его полы лезли под ноги при каждом шаге. Он вонял пылью и едва заметно человеческим духом.

Хозяин бегло оглядел ее. Перечеркнутые шрамом губы скривились. Он дернул вниз капюшон, и тот спрятал лицо кары до самого подбородка, так что ей действительно оставалось смотреть лишь на носки своих сапог.

Внезапный приступ ярости заставил ее до крови впиться когтями в ладони. Алые капли упали на пыльный камень.

– За мной.

С каким наслаждением она вырвала бы сейчас его язык!

Молча они спустились по лестнице и оказались на улице, где в нос ударили тошнотворные запахи человеческой жизни. Из углов тянуло мочой и блевотиной, к мостовой присохло дерьмо, на задворках тухли овощи. Жатва уже и забыла, чем пахнут города, хотя сама когда-то жила в таком же убогом местечке. Так давно, что это теперь не имело значения.

Они долго петляли узкими улицами, а Жатва все глядела под ноги, как и велел хозяин. Она чувствовала кровь сотен людей вокруг. Слышала, как прохожие шепчутся вслед или благоразумно вжимаются в стены. Это правильно. Так и должно быть! Какой-то жалкой тряпке не скрыть могущества кары. Не скрыть темной сути, что заставляет людишек дрожать от ужаса.

Потом перед ней распахнулась дверь, и Жатва скользнула вслед за хозяином в темное помещение, где тот бесцеремонно дернул капюшон с ее головы. Несколько десятков людей

установились на нее – с опаской в основном, как и положено, – а она установилась в ответ. Ее широкая улыбка заставила кое-кого нервно сглотнуть.

– О, как много мяса! – сладко протянула Жатва. – Что, решил наконец похвастать в обществе своей новой дивной зверушкой?

– Заткнись.

Жатва хотела уже было обиженно зашипеть, однако мужчина с рыжими волосами и таким видом, будто он тут всем заправляет, махнул хозяину рукой.

– Нет-нет, пусть говорит! Нам всем интересно познакомиться поближе с существом из легенд. Ты знала, что сказками о тебе пугают непослушных детишек перед сном?

Он тоже улыбнулся – хищно и властно. А еще совершенно не боялся ее. Заинтригованная Жатва оглядела его повнимательнее.

– Да это просто предел мечтаний! А ты у нас... – Она сделала несколько неспешных шагов вперед, подмечая по пути его богатую одежду, место за столом и серебряные приборы. – Хм, заносчивый вид, мех на плечах... Явно какой-то богатенький хрен, но не отсюда. Слишком уж лощеный для местных. Неужели правитель?

– Следи за языком, кара, – проворчал хозяин, но как-то без воодушевления.

Она остановилась в шаге от стола, развела руками и оскалилась.

– Ох, прошу простить, я всего лишь обычная дворняжка!

– Весьма любопытно, – с хитрым прищуром протянул рыжий. – Сядь, командир. А ты, кара Жатва, не стесняйся, угостись вместе с нами.

– Предпочитаю сырое. – Жатва брезгливо и бесцеремонно сдвинула в сторону тарелки и уселась на стол, полубоком повернувшись к рыжему. – Итак, зачем я здесь? Хозяин выпустил бы меня, только если бы собрался использовать силу кары. Значит, ты попросил. Хотел поглядеть на Великую Кровавую Жатву или, может, испытать мою силу в действии? Раз уж я здесь в качестве ярмарочной зверушки, могу показать пару занимательных фокусов.

Рыжий не растерялся, не смутился и не отпрянул подальше. Наоборот, он придвинулся ближе и с интересом прошелся быстрым взглядом по ее размашистому шраму, что стягивал левую щеку, по длинным, давно не чесанным черным волосам, нависшим на лицо беспорядочной гривой, заглянул в глаза.

– Фокусы оставим на потом. Лучше расскажи что-нибудь. Это правда, что кары не чувствуют боли, а ваши раны мгновенно затягиваются?

Он схватил нож со стола и резко вогнал в кисть Жатвы, прищипив к столешнице. Улыбка кары сделалась злой. Она знала таких – людей, которым нравилось видеть чужую боль и причинять ее. Она знала их слишком хорошо и слишком долго. И порой задавалась вопросом, все ли они таковы с самого начала, или же безнаказанность пробуждает эту извращенную злобу на мир.

Она дернула руку на себя, разрезая лезвием плоть и сухожилия. Две половинки кисти моментально срослись, осталось только кровавое пятно на дереве и торчащий из столешницы нож.

– Как видишь. – Кара повертела рукой перед лицом рыжего. – А боль... Боль со временем теряет смысл.

Рыжий довольно хмыкнул, тогда как прочие с ужасом и восхищением глазели на кару и помалкивали.

– Родеган, а для чего тебе кара?

– Чтобы использовать ее силу в борьбе против Фаррахай.

– И только?

– Я вас не понимаю, – сухо отрезал хозяин, хотя все он понимал. И Жатва понимала, лучше всех.

– Ну как же! Разве ты не читал записи предыдущих владельцев Жатвы? – Рыжий обвел сидящих за столом взглядом, обращаясь теперь к каждому. – После того как были приняты международные соглашения о запрете на использование темной сути в военных и политических конфликтах, владельцы ключей могли обратиться к силе кары лишь для решения личных проблем. Для устранения конкурентов, в борьбе теневых цехов за власть над улицами и так далее. Но ведь кары умеют не только убивать.

Он сделал драматическую паузу. Люди жадно ловили его слова, предвкушая нечто интересное.

– Как-то раз мне в руки попался любопытный томик – копия, конечно, – где один из владельцев Жатвы красочно и в подробностях описывал все, что проделывал с ней. – Теперь рыжий вновь говорил с хозяином. – Представь себе человека, которого возбуждает чужая боль. И вот он становится владельцем женщины, с которой можно делать все что угодно. И сколько угодно. День за днем. Помнишь его, кара?

– Помню. – Жатва вновь растянула губы в жуткой ухмылке. – Помню, как он вырывал мне ногти, дробил кости, как медленно пилил шею, заставляя плевать кровью. Жег огнем, выламывал ребра, запихивал в меня разные штуки. Потом, насмотревшись, трахал. Или смотрел, как трахают другие. О, чего только не вытворяли со мной! Разве что в рот не давали – боялись, что откушу. – Она обнажила зубы и провела по ним языком. Послышалось несколько нервных смешков. – Потом я нашла способ освободиться. Я насадила хозяина на шпиль самой высокой башни, и его крики весь день оглашали город, пока этот самый шпиль медленно дырявил его кишки.

– Невероятно! Надеюсь, Вел, ты не проявишь такую беспечность и не позволишь каре обойти контракт? Сдается мне, смерть на шпиле не из приятных.

Довольная ухмылка рыжего и его нелепые шуточки слегка успокоили остальных. Хозяин, однако, сидел все с той же каменной рожей и даже не пытался делать вид, что ему на все это не плевать.

– Может быть, лучше обсудим Тайфри?

Ответить рыжему помешал внезапный грохот распахнувшейся двери. Взмокший напуганный человек с рваным после бега дыханием прокричал на весь зал:

– Беда! Бургомистр, капитан Родеган, беда! Гайсты!

7

Первые мгновения всеобщего замешательства сменились пронзительным сигналом рога, означающим тревогу, и шумом десятков голосов. Бургомистр побледнел и выпучил глаза, отчего стал похож на бородатую жабу. Кронпринц с любопытством приподнял бровь в предвкушении интересного поворота. Истребители повскакивали с мест и уставились на Веллана в ожидании команды. Тот же, ничуть не изменившись в лице, спокойно глянул на вестника.

– Объясни толком.

– Они, ну, плотники... – запинаясь и глотая воздух в попытке отдышаться, затараторил парень. Судя по форме, это был один из башенных стражников. – Вышли наружу, ворота закрыли... Истребители с ними... Стали менять бревно в частоколе... Они кругом стояли снаружи, ну, чтобы от гайстов... А потом, когда бревно сняли, из леса вдруг кинулись целой стаей! Клянусь, десятки их! Половину народа сразу положили, остальные там еще! Они в брешь полезли – и сразу к воротам крепости! Но через поля долго, мы успели ворота закрыть... Я сразу сюда... Но люди там еще, если их не это, не того... И в полях еще были, они не успели добежать...

Послышались сокрушенные вздохи, кто-то испуганно всхлипнул.

– Значит, все ворота крепости сейчас закрыты и гайсты не смогут пробраться внутрь?

– Так точно!

– А что насчет *моих* людей? Они успели укрыться в городе? – уточнил Эммерих. Большая часть его воинов вместе с лошадьми и обозом осталась за воротами разбивать лагерь, ведь внутри крепостных стен негде было их разместить.

Стражник нервно сглотнул и поклонился.

– Не могу знать, ваше высочество! Ваши солдаты у других ворот, на востоке Крайфорта. И времени у них было больше...

Веллан поднялся и обвел взглядом Истребителей.

– Мне нужно на стену. А вы готовьтесь. – Он глянул на кронпринца. Не хотелось ни о чем просить его, но как же все это не вовремя! – Для защиты города нам понадобятся ваши Истребители, ваше высочество, если тварей действительно десятки.

– Матушкой клянусь! – пропищал вестник.

Эммерих задумчиво оглядел Жатву, которая все еще сидела на столе, а потом обернулся к Веллану.

– Пусть кара этим займется.

– Бесполезно, милый, – тут же протянула Жатва. – Я, конечно, самое могущественное в мире существо, но мне не под силу убивать наделенных темной сутью.

– Дай каре свой святой меч, – приказал Эммерих.

– Сейчас не время для шуток, – нахмурился Веллан.

– А кто шутит? Кара справится с гайстами гораздо быстрее пары десятков Истребителей. Идем, поднимемся на стену и оценим обстановку.

Эммерих по-хозяйски двинулся к выходу первым. Бургомистр и члены магистрата потянулись следом, напуганные и растерянные. Веллан предпочел бы, чтобы они не мешались и сидели внизу, где им самое место, однако инициатива как-то резко выскользнула из его рук. Оставалось лишь скрипнуть зубами и подчиниться воле сумасбродного кронпринца, для которого все вокруг – одно сплошное развлечение.

Веллан кивком разрешил своим людям присоединиться к остальным и бросил каре:

– За мной. И никого не трогай. – Он принялся пробиваться вперед, сквозь толпу пышно разодетых советников и гремящих латами рыцарей.

По опустевшим после сигнала тревоги улицам они быстро добрались до юго-западной башни. По узким лестницам, где тьму слегка разбавляли редкие стрельчатые бойницы, забрались на верхнюю галерею крепости. Боевой ход с внешней стороны ограничивали мерлоны, а с внутренней – лишь хлипкие деревянные перила между поддерживающими крышу опорами. Веллан не удивился бы, если б в такой толкучке какого-нибудь простофилю угораздило бы свалиться вниз. Однако предупреждать об опасности он никого не стал: одним советником меньше, одним больше, всяко они ничего полезного не делают. Сам он отошел подальше от толпы растяп и заглянул за край стены.

Даже отсюда было видно кровавое месиво битвы, завязавшейся возле проема в частотколе. Деталей не разглядишь, но их недостаток с лихвой восполняли фантазия и опыт, ведь не впервые Веллан наблюдал пиршество тварей.

Вывороченное из каменного цоколя бревно лежало на траве. В лужах крови валялись растасканные в стороны веревки кишок, ошметки конечностей и бездыханные тела, изуродованные до неузнаваемости беспощадными зубами и когтями. И среди десятка человеческих трупов – всего лишь парочка черных неподвижных комков. Впрочем, сложно считать людей, когда они разорваны на части.

Двое Истребителей защищали брешь, в которую то и дело совались черные морды. Еще несколько выживших в полях поодиночке пытались противостоять тварям. Веллан заметил с десяток разбегающихся в разные стороны работников, которым не повезло оказаться в этот день снаружи. На его глазах тварь догнала одного из них, вспрыгнула на спину, повалила наземь и принялась рвать когтями плоть. Человек истошно вопил, и от этих криков волосы становились дыбом, пусть звуки и приглушало расстояние. Но он быстро замолк, когда гайст погрузил зубастую морду в разодранную спину, чтобы полакомиться мягкими внутренностями.

Кто-то тихо выругался, остальные или молча наблюдали, осознавая безвыходность положения тех, кто остался внизу, или тихо причитали и охали. Жатва скалилась, глаза ее горели азартом и жаждой.

Веллан, как ни пытался, не смог разглядеть внизу Йенса, которому выпало заступить на смену именно сегодня. Нужно было срочно что-то предпринимать. Остатки Истребителей долго не продержатся против тварей, которых во много раз больше.

Веллан выдернул святой меч из ножен и обернулся к Жатве.

– Приказываю уничтожить гайстов и спасти как можно больше людей.

Она потянулась к мечу, но, едва коснувшись, отдернула руку и зашипела. Кожа на ее ладони покраснела и покрылась волдырями.

– Жжется!

Прежде никто не давал ей святое оружие. Пытались убить с его помощью – да. Но не просили помочь.

Веллан растерянно искал глазами что-нибудь, чем можно обернуть рукоять, но Эммерих опередил его, протянув Жатве перчатки из мягкой кожи. Надев их, она взвесила в руке меч, неумело взмахнула клинком, едва не снеся голову стоящему рядом бургомистру, и поморщилась.

– Все равно печет. Ну да ладно. Я сделаю это. Жатва всех спасет. Но у меня есть условия.

– Какие еще условия? – Веллан от неожиданности позабыл, что не обязан выслушивать ее. – Я отдал тебе приказ!

– Да-да, не глухая. Но за всякую услугу надо платить. Ты мне, я тебе. Сотрудничество – знаешь такое слово?

– Что же ты хочешь, кара? – с любопытством вмешался кронпринц, как будто это не его люди гибли внизу, пожираемые заживо. Их не было отсюда видно, но крики доносились отчетливо.

Жатва принялась загибать пальцы.

– Во-первых, прогулки на свежем воздухе. Во-вторых, новый матрас, мягкий и необосанный, а то надоело спать на стуле. И, в-третьих, ножницы.

– Ножницы?

Она трянула волосами и раздраженно откинула их за спину.

– Вот это обрезать. Мешает.

– Нет! – рявкнул Веллан. Оба они, кара и Эммерих, знатно выводили его из себя. – Я не собираюсь с тобой нянчиться. Живо иди за стену, уничтожь гайстов и сразу возвращайся. Это приказ.

Жатва дернулась. По лицу ее пробежала тень, а когти яростно заскребли по груди. Сопротивление приказам причиняло ей невыносимую боль, но она устала на Веллана с упрямым самодовольством.

– Ты можешь заставить меня. Но сколько это займет времени? Пока ты торгуешься со мной за гребаный матрас, твои люди мрут, хозяин. Подумай, что для тебя важнее – сохранить жизни или настоять на своем?

Тем временем снаружи раздался очередной душераздирающий крик.

– Брось ты, Вел. Она не просит ничего невыполнимого, – тихо сказал подошедший поближе Никс. Должно быть, тоже волновался за жизнь Йенса.

По телу Жатвы снова прошла судорога. Из носа потекла темная, почти черная кровь, однако она продолжала улыбаться.

Три десятка людей пялились на командира и ждали его слов. Если он согласится – покажет себя слабаком. Если продолжит настаивать на своем – безжалостным ублюдком, которому плевать на человеческие жизни.

Веллан понимал, что уже проиграл ей, что сейчас нет иного выбора, кроме как принять условия кары. Но слова почему-то все никак не желали слетать с языка.

– Ладно, – наконец проговорил он глухо и до боли сжал кулаки. Щеки его пылали, несмотря на осенний ветер.

Жатва слизнула отвратительно длинным языком кровавую кляксу из-под носа, картинно скинула плащ на пол и вскочила на каменный парапет между зубцами.

– Кара со святым мечом – вот так поворот! – хрипло рассмеялась она и обвела толпу горящими азартом глазами. – Этот день войдет в историю! День, когда Великая Кровавая Жатва спасла город от неминуемой гибели!

С широкой хищной ухмылкой, от которой натянулся кривой шрам на щеке, кара повернулась к краю и прыгнула.

* * *

Ветер хлестал ее по лицу и свистел в ушах. В эти несколько мгновений она могла помечтать, что летит. Ощутить отголоски былой свободы и восторга. Но Жатва не умела летать, только падать. Она не была свободна, но с жадностью хваталась за эту иллюзию, потому что быстротечные мгновения подобия жизни, с таким трудом выменянные на боль, – все, чем она располагала.

О, зато боли предостаточно! Было и будет. Жатва не сомневалась, что вскоре хозяин решит поквитаться с ней за сегодняшнее унижение. Однако, что бы ни случилось после, оно того стоило.

Она эффектно приземлилась на пожелтевший склон под стеной. Кости хрустнули, едва не сломавшись под тяжестью тела, но это ничего. Забавно, что прежде она боялась высоты, но всякие страхи быстро исчезают, когда приходит осознание, что ты не сможешь умереть, как ни пытайся.

Жатва быстро окинула взглядом пространство перед собой: по полю тянулись алые полосы, будто следы гигантских слизней. Куски плоти с торчащими из них обломками костей валялись на сырой от крови земле. Несколько почти целых человеческих тушек раскинулись в бороздах, словно гниющие тыквы, которые кто-то забыл убрать вовремя.

* * *

Крики пронзали воздух, наполняя сердце Жатвы сладким трепетом. Запах крови и ужаса цекотал ее ноздри. Она купалась в нем. Жила им. Любила его. Такой родной и уютный, как запах родительского дома.

Она обнаружила первую цель, оттолкнулась от земли и прыгнула на пару дюжин шагов, зависнув на миг в наивысшей точке. Снова прыжок – стремительный, грациозный. Люди о таком могут только мечтать.

С восторгом ребенка, который видит заветное карамельное яблоко на ярмарке и бежит к нему со всех ног, она подскочила к первому гайсту и одним махом снесла ему голову. Башка, брызжа в разные стороны красным дождем, перевернулась несколько раз в воздухе и покати-лась по борозде, а Жатва уже неслась к другому. Святой меч в неуклюжей руке разрубил чер-ную тварь пополам и вошел глубоко в почву. Жатва вырвала его с брызгами земли и крови и устремилась дальше, не обращая внимания на жжение в ладони. Сейчас боль не имела значе-ния, азарт затмевал ее.

Два или три десятка хищников разбежались по полям, пастбищам, садам, виноградникам в поисках живых. Жатва ощущала, как в одной стороне гайсты доедают человека и как в другой, далеко за полями, уже ворвались в загон к овцам. Очень быстро они перегрызут все стадо, приблизив укрывшихся за стенами людей к черте голода.

Она видела, как воин со святым мечом из последних сил отражает атаки двух тварей. Он был весь в рваных ранах, и – о чудо! – его лицо показалось ей знакомым. Жатва чуть усмехнулась самой себе и выбрала воина.

Она ненавидела людей. Те не сделали ей ничего хорошего. Бесконечная боль, бесконеч-ное презрение – все, что она от них получала. Они создали ее, обратив жизнь в затянувшуюся несмешную шутку. Против воли обменяли ее короткий человеческий век на бездну какого-то дерьма. Так что пусть подышают с голоду. Пусть жрут крыс и себе подобных, пусть дерутся за кусок плесневелого хлеба. Когда-то Жатва прошла через все это – приятного мало. Она наде-ялась, что гайсты успеют уничтожить как можно больше припасов.

В прыжке Жатва перехватила меч обеими руками и занесла над головой. С радостным криком раскроила череп одному из гайстов – тот даже отпрыгнуть не успел, лишь поднял на нее свою тупую уродливую морду.

Воин на секунду отвлекся, удивленно округлив глаза. Гайст тут же повалил его наземь и сомкнул устрашающие челюсти на руке, защищенной кожаными наручами. Всего миг Жатва помедлила, раздумывая, не поглядеть ли, как тварь раскрошит кость в щепки десятками ост-рых зубов, но все же решила немного погеройствовать в надежде, что это ей когда-нибудь зачтется.

Она потянулась к гайсту своей темной силой. Почувствовала кровь внутри него и заста-вила ее подчиниться. Челюсти твари медленно расползлись, впившиеся в плоть сквозь наручи зубы выскользнули из проделанных дыр. Хищник бесился и яростно вращал глазами, сиюсь вернуть контроль над телом, но власть кары всегда была сильнее.

Почувствовав, что святое оружие притупляет ее способности, Жатва воткнула клинок в землю и снова сосредоточилась. Она заставляла челюсти гайста раскрываться, пока они не хрустнули тошнотворно, пока не брызнули багровые капли на лицо воина, пока не вывалился

безвольный черный язык. И еще. Пока кости черепа не лопнули в тисках из вывернутых челюстей и не полетели ошметки мозга в траву.

Жатва улыбалась: собственная сила приводила ее в восторг.

Воин выкатился из-под гайста и добил его святым мечом. После глянул на кару, на искореженный труп и вновь на кару.

– Твою мать... – пробормотал он тихо, пошатнулся, но устоял.

В полный рост он оказался на две головы выше Жатвы. Его мускулистые руки покрывали следы укусов, драный жилет едва держался, и загорелая влажная кожа блестела в тусклых лучах. Так и хотелось откусить от него кусочек, но...

Она присела в издевательском книксене: «Всегда пожалуйста!» – подхватила меч и кинулась искать новую жертву.

В общем-то ей было плевать, кого убивать. Жатва давно смирилась с тем, что приказ хозяина стоит гораздо выше ее собственных желаний. Помнится, поначалу все это вызывало отторжение, ведь она не родилась убийцей, как почему-то все считают. Да, она иногда хотела есть, но, если бы не первый хозяин, никто не заметил бы ее присутствия. Алхимик притащил ее в мир с определенной целью, и именно благодаря ему имя Жатвы покрылось недоброй славой. Но ведь она всего лишь исполняла приказы. Глупо ненавидеть топор, что опускается на плаху, и не замечать руку, держащую его.

Хотя после стольких лет она уже не просто топор. У нее был выбор: бесконечно сопротивляться чужой воле, винить себя за все и в конце концов потерять остатки рассудка... или смириться и начать получать удовольствие. И Жатва приспособилась. Стала такой, какой ее хотели видеть. И даже еще хуже.

Она мчалась по полям, выискивая растекшихся по огромному пространству черных тварей. Те чуяли, откуда несет мясом, и бежали туда. За ними тянулись кровавые следы и трупы, которые гайсты почему-то бросали недоеденными. Это показалось Жатве странным, как и само массовое нападение. Из того, что она знала о гайстах, следовало, что те не сбиваются в группы и не умеют действовать сообща. Бывало, что десяток хищников нападал на какой-нибудь острог, но в их действиях всегда было лишь желание насытиться, соперничество и ненависть. А *эти* твари... они словно бы не пожрать пришли, а постепенно захватывали землю. Быстро убивали и быстро искали новую жертву.

Любопытно.

Однако подумать обо всем у нее еще будет предостаточно времени – когда хозяин снова запрет ее в башне. Пока же Жатва собиралась наслаждаться редкой возможностью развлечься, холодными лучами уходящего солнца и свежим воздухом, в котором смешались ароматы сырости, увядания и смерти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.